

Сергей ГОЛОВАЧЁВ

ЛЫСАЯ ГОРА

Лысая Гора Девичья

Сергей Головачев

Лысая гора

«Алетейя»

2017

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)6-44

Головачев С.

Лысая гора / С. Головачев — «Алетейя», 2017 — (Лысая Гора Девичья)

ISBN 978-5-906980-22-9

Главный герой этой книги – сама Лысая гора, которая испокон веков называлась Девичья. Именно здесь находятся семь мест силы, куда сходятся ведьмы и маги со всего Киева, начиная с древних святилищ Лады и Перуна, и заканчивая поляной Желаний, где исполняются самые заветные мечты. Широко известная за пределами города, Лысая Гора почему-то до сих пор ещё мало исследована историками и писателями. Раскрытием её мистических тайн и занимаются многочисленные персонажи этой книги, призванные со всех сторон осветить её сакральное величие. 3-е дополненное издание.

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)6-44

ISBN 978-5-906980-22-9

© Головачев С., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Боги и демоны Сергея Головачёва	6
Украинский Zeitgeist	8
Предисловие автора	9
Напутствие гида	10
Действие первое. Восхождение на гору	12
1. Майя и Жива	13
2. Мёртвая вода и мёртвая еда	18
3. Ведьмин язык	20
4. Дань горе	25
5. Димон-А и С`Димон	29
6. Изыди, дьявол, из горы сия!	34
7. Ведьмам вход воспрещён	38
8. Безумный инквизитор	41
9. Семь смертных добродетелей	44
10. Херувим и аспид	46
11. Зоя	53
12. Навка и её дар	61
13. Иные	65
14. Чистильщики Лысой горы	70
15. Твари и затваренные	72
16. Веда	76
17. Как бы вы сами здесь не пропали!	79
18. Пробуждение нежити	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Головачев

Лысая гора

© С. Головачёв, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Боги и демоны Сергея Головачёва

Киев всегда был городом таинственным и мистическим. По крайней мере, для писателей, чье творчество не чуждо романтизму. Именно в те времена «мать городов русских» стала еще и прибежищем нечистой силы, городом, где куда ни плюнь, тут же попадешь в ведьму или чародея. В последнее время эта фольклорно-романтическая традиция с новой силой возродилась в произведениях отечественных авторов, прежде всего, киевлян. Оно и не удивительно. Кто, как не уроженец стольного города, напишет о нем с такой силой, любовью и искренностью. Пальма первенства тут по праву принадлежит Ладе Лузиной, пишущей уже более десяти лет цикл «Киевские ведьмы» о похождениях трех молодых киевлянок, по воле Судьбы сделавшихся киевицами – хранительницами родного города. Но вот, похоже, у Лузиной появился соперник на этом поприще – Сергей Головачев с его романом «Лысая гора».

Книга написана в жанре, который достаточно сложно определить. Тут вам и «криптоистория», когда оказывается, что всю историю Земли мы с вами читали и понимали не совсем так, как оно было на самом деле. И городское фэнтези, действие в котором происходит в большом мегаполисе, где рядом с людьми существует нечистая сила в «чистом» виде, а также представители всевозможных волшебных рас (вроде песиголовцев, нагов, нефелимов и пр.). И эсхатология, пророчествующая о судном дне и всем с ним связанном. И конспирология, говорящая о вселенском заговоре неких темных сил против человечества. И сатира на современное общество... В общем, каждый читатель может повернуть сюжет по своему вкусу.

Форма тоже выбрана не совсем обычная. Перед нами то ли беллетризованный путеводитель, то ли пособие для ролевой игры. В центре повествования разношерстная группка людей, ходящих вслед за таинственным экскурсоводом по памятным местам одной из киевских Лысых гор (она же Девичья). Параллельно идет сюжет, связанный с несколькими девушками, обладающими парапсихологическими способностями. Ну, и еще пару сюжетных линий, повествующих то об инопланетянах, заделавшихся местными (земными) богами, то о полубезумном попе-инквизиторе, то о молодежных группах. Перекрещивающиеся сюжеты порой приводят к тому, что одно и то же явление или памятное место описывается несколько раз с различных ракурсов и с разнящимися трактовками. Ну, как известно, повторение – мать учения (хотя повторы иногда напрягают).

Книга построена на множестве литературных реминисценций. Здесь есть интертекст и из мифов народов мира (например, шумероаккадских), и из Библии (что тоже «по соседству» с Междуречьем), чувствуется знакомство автора и с современной литературой – книгами Георгия Зотова, Лазарчука с Успенским, Лады Лузиной и др. Лузина даже выведена в книге в качестве персонажа под своим собственным именем Владислава. И, разумеется, арбитром для самого писателя, его литературным маяком стал Михаил Булгаков, внесший неизмеримый вклад в развитие киевского литературного мифа. Сергей Головачев тактично полемизирует с Мастером.

Если у Булгакова поэт Бездомный, написавший антирелигиозную поэму, и редактор толстого журнала Берлиоз признаются специалисту по чёрной магии Воланду, что они, как атеисты, не верят в бога и не признают дьявола, и более того, убеждены, что Иисуса, как личности вообще не существовало, то у Головачёва бог и дьявол не только существуют, но и являются сводными братьями, вечно враждующими друг с другом. Более того, – после того, как безумный инквизитор произносит ключевую фразу: «Изыди, дьявол, из горы сия!», дьявол не медлит появиться и становится главным действующим лицом светопреставления, на котором на пару с господом вершит страшный суд над грешниками. Именно эти грешники, для которых все смертные грехи уже давно стали добродетелями, и привели сегодняшний мир на грань катастрофы.

Действие романа происходит в знаменитую Вальпургиеву ночь, когда активизируются все враги рода человеческого, слетаясь на шабаш в места, подобные киевской Лысой горе. Ночь у Головачева длится невероятно долго, вмещающая в себя чуть ли не вселенские время и пространство. Перед нами проходят события даже не «времен Очаковских», а едва ли не допотопных, куда там, до сотворения мира. Автор насыщает текст многочисленными философскими отступлениями-размышлениями по самым разным проблемам этики и морали. Слава Богу, делает он это нескучно, явно памятуя заветы просветителей, призывавших сочетать полезное с приятным.

Андрей Чернецов

Украинский Zeitgeist

После прочтения книги Сергея Головачёва «Лысая гора» гостям и жителям Киева стоит если не переехать в другой город, где поспокойнее, то определённо проштудировать эзотерическую литературу, посмотреть соответствующие фильмы, обратиться к сведущим людям – в общем, максимально подготовиться перед встречей с разнообразной нечистью, которой, оказывается, кишит украинская столица. Главная же инфернальная концентрация наблюдается на Лысой горе, где в канун Майской ночи разворачиваются мистические события романа.

Острастки при чтении добавляет тот факт, что Лысая гора – место вполне реальное. Более того, десятки тысяч киевлян ежедневно курсируют близ, заражаясь её отрицательной энергетикой.

Ведь, по преданию, именно на Лысой горе князь Владимир, крестивший Русь-матушку, расправлялся с неугодными язычниками. В конце XIX века военные построили здесь – чем не начало классического американского триллера? – секретную военную базу, позже модернизированную в тюрьму, где вешали преступников. Сейчас же на Лысой горе собираются сатанисты, толкиенисты, наркоманы и прочие маргиналы.

В общем, материал Сергею Головачёву попался благодатный – можно не только книгу писать, но и кино снимать. Пригласить, например, Милу Йовович и Наоми Уотс, вооружить осиновыми кольями, наделить экстрасенсорными способностями и запустить на Лысую гору, чтобы они раз и навсегда расправились с нечистью.

Началось же всё с пропажи тринадцатилетней девочки Зои, якобы отданной в жертву на растерзание лютomu Змию. До кучи, чтоб уж наверняка, Головачёв впихнул в роман двухголовую змею Амфисбену, бесов, псоглавцев (привет Алексею Иванову-Маврину), библейского Змия и архангела Михаила. Причём последние двое, несмотря на идеологические противоречия, действуют практически идентично – с забавной такой риторикой.

Автор предпочёл не разбираться в том, почему большей части населения вдруг стали так интересны – «ох уж эти люди, повсюду им мерещатся змеи» – вампиры, ведьмы и вурдалаки, маги и экстрасенсы, которые бьются на теле- и киноэкранах, а захотел сам вписать себя в этот масскультурный контекст. Нечто подобное сделал Виктор Пелевин в своей последней книге «Бэтман Аполло», где поигрался с модой и трендами, тем не менее не забыв про метафизическую платформу, от которой Головачёв отказался.

Всё это было бы действительно так, с занесением в регистр масскультовой беллетристики, если бы Головачёв в своей «Лысой горе» не проделал с читателем любопытный фокус: магически-эзотерический «шапочный» ликбез как нельзя лучше отражает те социальные и культурные процессы, которые сегодня происходят в Украине, прежде всего, в головах её граждан. Роман, как чистильщики с Лысой горы, разбирается с совершеннейшим информационным бардаком, что, как мозговой паразит, пожирает и трансформирует личное и массовое сознание украинцев, тонущих, как пел Гребенщиков, в море информации, единственный выход из которого – саморазрушение.

И в данном контексте «Лысая гора», безусловно, никакая не мистика и не фэнтези, а симпатичная едкая сатира, искусный стёб, отражающий и уничтожающий украинский Zeitgeist.

Платон Беседин

Предисловие автора

Возможно, многое, поведанное мной, покажется вам причудливой фантазией, игрой воображения, досужей выдумкой или небылицей в лицах, не имеющей ничего общего, как с действительностью, так и с лицами, выведенными в ней.

И всё же в основе этой *дьявольски-божественной фантасмагории*, оттенённой мистерией Вальпургиевой ночи, которая, как по расписанию, повторяется из года в год, лежат подлинные события, произошедшие на Лысой горе в канун Первомая несколько лет тому назад.

В то время человеческая жизнь ещё чего-то стоила, а любое известие о пропаже человека, изнасиловании или убийстве тотчас попадало на страницы газет и подолгу освещалось с экранов телевизоров. Милиция тогда ещё имела вес, а «Беркута» многие даже побаивались. Но именно тогда в последний апрельский день на Лысой горе Девичьей и случилось то, что явилось предтечей последующих событий.

Напутствие гида

Лысых гор на свете немало. Чуть ли не в каждом городе есть своя Лысая. Даже там, где нет гор.

Самая знаменитая среди них, конечно же, Голгофа. Не менее известны ещё две безлесные вершины: гора Брокен, воспетая Гёте в его бессмертном творении «Фауст» и, собственно, Лысая Гора в Киеве, давшая имя своё всем остальным подобным возвышенностям.

Когда-то само название этой горы приводило людей в ужас. Теперь же оно стало настолько привычным и распространённым, что за звание главной Лысой Горы борются в Киеве – логове Змиевом, по крайней мере, тринадцать лысых гор. Можно лишь представить себе, сколько ведьм обретается в нашем славном местечке и как нелегко им определиться с выбором места для шабаша.

Я расскажу вам о той лысой горе, которая испокон веков называлась Девичья. Именно сюда сперва, на Девич-гору или на Девичник, как ещё называют эту возвышенность с отвесным меловым обрывом сами ведьмы, прилетала на половой щётке и купалась затем в Днепре королева всех ведьм булгаковская Маргарита.

Одному сюда вам лучше не соваться. Ни днём, ни ночью. Но если уж любопытство перебило, и вы сунули сюда свой длинный нос – знайте, что вы сделали это на свой страх и риск. Если что-то пойдёт не так, берите ноги в руки и бегите отсюда без оглядки!

Лысая Гора каким-то невероятным образом притягивает к себе убийц и самоубийц, насильников и маньяков. И если в других местах они ещё как-то сдерживают себя, то здесь ими овладевает ощущение вседозволенности и всемогущества.

Обычный с виду человек вдруг ни с того ни с сего достаёт нож, у насильника при виде одинокой девушки тут же загораются глаза, потенциальный самоубийца именно здесь внезапно решает на непоправимое, параноик неожиданно начинает слышать голоса, а шизофреник наяву лицезреть галлюцинации. Вот почему Лысая Гора так усиленно охраняется нарядами милиции и патрульными машинами.

Не страшно здесь бывает лишь в большой компании, но лучше всего и безопаснее отправиться сюда на экскурсию с опытным гидом.

Вперёд же, за мной, отважные искатели приключений!

Я поведу вас в такие чащи, куда лучше не заходить без провожатого, и заведу вас в такие дебри, откуда самим вам не выбраться. Вы побываете во многих местах Силы, начиная с древних капищ Перуна и Лады и заканчивая поляной Желаний, где вы сможете загадать своё самое заветное желание, и оно обязательно сбудется.

Я поведаю вам о том, о чём страшно даже подумать. Вы заглянете в такие бездны, куда жутко даже заглядывать, и увидите такое, отчего волосы встанут дыбом. Мы поднимемся в небеса к самим ангелам, чтобы с горних высей рассмотреть эту гору тщательным образом, а затем спустимся вглубь её, к демонам, чтобы увидеть, как изнутри она выглядит.

Я покажу вам Девичник таким, каким его видят сами ведьмы. Единственное, чего вы не увидите, – это то, как они летают на помеле. Потому что это всё сказочки, рассказанные самими ведьмами, чтобы все их боялись. Я же расскажу вам о них чистую правду, чтобы вы их боялись ещё больше.

Придите и узрите всё сами своими глазами! И будем дрожать от страха вместе!

Находится Девичья Гора на южной околице столицы, на Выдубичах, возле Южного моста неподалёку от впадения речки Лыбедь в Днепр. А добраться сюда сейчас лучше всего не на щётке, а на метро.

Если желаете записаться на экскурсию, оставьте свой номер телефона, и наш администратор вам обязательно перезвонит. Количество мест в группе строго ограничено! Сбор на

середине платформы станции метро «Выдубичи» в 11.30. Форма одежды походная. Экскурсия рассчитана на три часа, поэтому, просьба, не опаздывать, никого ждать не будем.

Действие первое. Восхождение на гору

«Подымите мне веки: не вижу!»
«Вий», Н. В. Гоголь

1. Майя и Жива

Внезапная вспышка света, сдвиг, – и в чёрном проёме тоннеля со стороны левого берега зажглись шесть ярких звёзд. Выстроенные в одну линию, они быстро приближались, всё больше становясь похожими на огнедышащую пасть змея.

Через пару секунд *несусветный* змей обернулся обычным поездом, и тот с жутким грохотом вылетел из мрака преисподней на освещённую станцию метро «Выдубичи».

На середину платформы из третьего вагона вышел странный человек, полностью одетый в камуфляж-хамелеон от Cabala`s. Куртка с длинными рукавами, брюки и бейсболка с фирменным лого, – всё имело лесной маскировочный окрас с полуразмытым рисунком-инпринтом. Таких же оттенков камуфляжная сумка с ремешком, перекинутым наискосок через плечо, висела у него на боку. Странность же его заключалась в том, что вышел он из вагона на платформу босиком.

Внешность у босоного также была не совсем обычная. Плотно прижатые уши и гладко выбритая голова, покрытая бейсболкой с вогнутым козырьком, а также округлые брови, маленькие чёрные глазки и чуть вздёрнутый нос делали его чем-то похожим на удава.

Подойдя к собравшейся на середине платформы группе из двенадцати человек, он приветливо поздоровался со всеми и внутренне улыбнулся: все экскурсанты, как на подбор, были одеты одинаково – в походные куртки, джинсы и кроссовки, и с рюкзаками за спиной, за исключением одной молодой особы, которая пришла на экскурсию в длинной чёрной юбке до пят, в туфлях на каблуках, в полупрозрачной дымчатой блузке и с тугой русой косой до пояса.

Поскольку она и ещё одна дама в больших роговых очках принялись бесцеремонно разглядывать его с головы до босых ног, приняв за очередного экскурсанта, он тут же внёс ясность.

– Я ваш гид, – представился он.

Это произвело впечатление: у длиннокосой девушки даже невольно поднялись брови.

– И как вас зовут? – кокетливо спросила она его, и на щеках её появились круглые ямочки, которые мгновенно придали ей очарование.

На лице босоного гида отразилось некое недоумение, словно его покорила подобная фамильярность.

– А вас? – хмыкнув, ответил он вопросом на вопрос.

– Владислава, – зарделась девушка. – Можно просто Лада.

– Ну, а меня называйте просто гид.

Позже, делясь впечатлениями о нём, одни экскурсанты утверждали, что их проводник был молодым человеком, чем-то похожим на Константина Райкина. Другие считали, что он больше смахивает на Фёдора Бондарчука, только без усов, и на самом деле это мужчина средних лет, выглядящий, правда, моложаво. Третьи на полном серьёзе доказывали, что это был вылитый телеведущий Владимир Познер, то есть совсем уже пожилой мужчина, убравший морщины с лица благодаря стволовым клеткам и молодящийся при помощи ботокса.

В свою очередь, *вечный* гид, приглядевшись к собравшейся компании, с удивлением подметил, что коллектив на этот раз подобрался особенный, если не сказать больше. Он словно попал в террариум. Почти каждый экскурсант своим внешним видом чем-то напоминал ему определённое животное. Насмешливая улыбка невольно озарила его лицо.

Кроме дамы в очках, имевшей сходство с *обезьяной* капуцином (из-за глубоких впадин под глазами, которые большие очки лишь подчёркивали), в группе присутствовала девушка с массивной, выдвинутой вперёд нижней челюстью. Когда она скалила зубы, широко обнажая верхнюю десну, то походила этим на известную *лошадь* по имени Ксюша. Рядом с ней находился резвый паренёк с красивым крючковатым носом и с модным коротким гребнем на стриженной голове, делавшим его похожим на *петуха*.

Стоявшая чуть поодаль барышня время от времени высовывала изо рта длинный, как у *ящерицы*, язык и облизывала им губы, а иногда даже кончик носа. Ещё один парень выделялся необычной татуировкой с полосатыми, *тигриными* разводами на руках и шее.

Возле толстой тётки с обрюзгшим лицом и заплывшими, как у *свиньи*, глазками стоял похожий на *кролика* Сеню лопоухий мужчина в очках и с приоткрытым ртом, из которого постоянно выглядывали два передних зуба.

Был здесь и низкорослый мужик с жидкой *козлиной* бородкой, и крутобокая женщина с выдающимся бюстом и с огромными, как у *коровы*, выпученными глазами, и прыщавая девица с острой *крысиной* мордочкой, и молодой человек с *бульдозьим* выражением лица. Единственной персоной, которую босоногому гиду не удалось идентифицировать с каким-либо зверьём в этом *бестиарии*, была Владислава. Она обращала на себя внимание природной, ничем не испорченной красой.

Будет хоть на кого посмотреть во время долгой экскурсии, подумал он.

– Ну что, идём? – кивнул гид в сторону выхода, – как и было сказано: ждать больше никого не будем.

Стоявшая рядом с ним Лада недовольно сморщила носик и на шаг отступила от него: изо рта гида исходил не очень приятный запах.

– А можно, на секундочку... общий снимок сделать перед началом экскурсии? – обратилась она ко всем, одновременно выбирая на дисплее своего смартфона режим фотокамеры.

– Можно, – ответил гид, – но только без меня.

– А почему? – удивилась Лада.

– Я не очень фотогеничный, – отходя в сторону, пояснил гид.

Вытянув руку вперёд, Владислава направила фронтальную камеру смартфона на себя (группа при этом оказалась лишь общим фоном для её *селфи*).

– Улыбочку, – предупредила она всех и нажала пальчиком.

Щёлк!

Новоиспечённую фоточку Лада ту же выложила в фейсбуке и в «ВКонтакте» под общим заголовком «МОЯ ЭКСКУРСИЯ НА ЛЫСУЮ ГОРУ НАЧАЛАСЬ». Уж очень любила она это дело – устраивать всевозможные перформансы с участием себя любимой и при каждом удобном случае постить себя в соцсетях!

В это время на другую сторону платформы со стороны правого берега с невероятным грохотом влетел ещё один *несусветный* змей, скрывавший свою сущность под видом поезда.

Из первого вагона среди прочих выбрался чернобородый мужчина в длиннополом чёрном плаще, а из второго вагона вышли две светловолосые девушки, чем-то похожие друг на друга. Может быть тем, что одеты они были обе в одинаковые белые сорочки с ручной вышивкой и в красные юбки с клетчатыми передниками.

– Жива! – завелась с пол-оборота одна из них.

– Что, Майя? – в том же духе ответила другая.

– Ну, что такое! – набирала Майя обороты.

От её выразительного, по-детски обиженного, миловидного лица нельзя было глаз отвести, настолько оно привлекало к себе. Так же, как и от её красных бус, составленных из крупных пластмассовых бусин.

– А что такое? – невозмутимо пожимала плечами Жива, – согласишься, что ты проиграла!

Пару минут назад они поспорили, смеясь, на кого из них обратит внимание симпатичный парень, сидевший напротив в вагоне.

– Ну, как это тебе удаётся? – не унималась Майя. – Мы ведь с тобой рядом сидели, а он на меня почему-то... даже ни разу не взглянул.

– Да я вообще на него не смотрела! – оправдывалась Жива.

Она явно уступала двоюродной сестре в красоте. Несмотря на похожие наряды, Майя выглядела более женственно – у неё были накрашены веки, ресницы и губы, в отличие от мальчиковой внешности Живы, полностью игнорировавшей макияж.

– А чего же тогда он с тебя глаз не сводил?

– Спроси у него сама!

Майя недовольно вздохнула.

– Вот побываешь сегодня со мной на Девичнике, – пообещала ей Жива, – тебе и не такое будет удаваться.

Их яркие, пошитые в народном стиле наряды резко контрастировали на фоне проходившей мимо них группы невыразительно одетых экскурсантов. Босоногий гид в камуфляже даже повернул голову в их сторону, задержав свой взор на привлекательном лице Майи.

– А Лысая гора где? – неожиданно обратился к нему чернобородый человек в длинном плаще, с недоумением озираясь по сторонам: на станции, как оказалось, имелось два выхода. В руке он держал небольшой чёрный саквояж.

Вскользь окинув его недружелюбным взглядом, гид бросил ему на ходу:

– Здесь. Она над вами.

Пока чернобородый осмысливал сказанное, экскурсанты обошли его с двух сторон.

– А на Лысую гору куда? – спросил он идущих следом двух девушек в красных юбках и в белых сорочках.

– Туда, – махнула рукой Жива в ту сторону, куда ушли экскурсанты и куда направлялись они сами.

Кивнув на массивные медные буквы «ВЫДУБИЧИ», выложенные на мраморной стене станции, человек, похожий на попа, осведомился:

– Значит, здесь он и выдыбал?

– Кто? – не поняла Жива.

– Ну, идол этот, Перун... неужто не знаете?

– Ну, почему не знаем? Знаем, – обиделась Майя, – его скинули в Днепр, а затем его здесь на берег вынесло.

Они втроем поднимались по ступенькам. Спину Майи украшал симпатичный холщовый рюкзачок. Длинные волосы мужчины в чёрном плаще были стянуты сзади в конский хвостик.

– Именно так. И знать, неспроста. Нечистое это место, проклятое. До сих пор ведь на дне лежит, окаянный!

– Как до сих пор? – воскликнула Майя.

– А так. Привязали ему камень на шею и второй раз утопили. А чтобы место сие освятить, неподалёку монастырь воздвигли Выдубецкий.

– Теперь понятно, – догадалась Жива, – зачем здесь Перуну чурь поставили.

– Какие ещё чурь? – спросил чернобородый, и глаза его вдруг подозрительно забегали.

– Да есть тут такие на Лысой горе, – ответила Жива и добавила язвительно, – неужто не знаете?

Человек, похожий на попа, недовольно шмыгнул носом и с усилием толкнул стеклянную дверь вперёд. Поскольку он её не придержал, тугая тяжёлая дверь, мгновенно вернувшись назад, едва не сбила с ног идущих следом девушек.

– А теперь куда? – спросил чернобородый у них, когда те вышли из соседних дверей. Подземный вестибюль разветвлялся на две стороны.

– Налево, – кивнула Жива.

Пойдя налево, поп через десять метров вновь оказался на развилке.

Под землёй оказалась довольно запутанная сеть многочисленных переходов, в которой легко было заблудиться, и очень часто несведущий человек мог долго кружить и блуждать по ней, прежде чем выбирался на поверхность в нужном месте.

– А теперь? – спросил он у девушек.

– Опять налево, – услужливо подсказала Жива. – Тут всюду нужно поворачивать налево: и под горой, и на горе.

Выйдя, наконец, из-под земли, они оказались на автовокзале «Выдубичи». (P.S.: сейчас здесь высится современное здание со стеклянными стенами и овальным фасадом голубого цвета. В Яндекс-картах он выглядит сверху, как стилизованный знак вопроса.)

Подобные вывески висели также и на двух одноимённых железнодорожных станциях, расположенных впереди и справа отсюда. Оказавшись на перекрестье четырёх автомобильных дорог и трёх железнодорожных веток (городской электрички, на Дарницу и в Триполье) место это являло собой оживлённый пересадочный узел.

Чернобородый мужчина недоумённо повертел головой: многочисленные киоски и возвышающиеся над ними эстакады автомобильной развязки закрывали собой весь горизонт. (P.S.: С недавних пор здесь впритык добавилась ещё одна железнодорожная эстакада от нового моста Кирпы, и поезда теперь проносятся едва ли не над головой.)

– И где же она, эта Лысая? – усмехнулся он.

Жива улыбнулась:

– Отсюда не видно.

А Майя поинтересовалась:

– А зачем вам туда?

– Надо, девушки, очень надо, – покачав головой, заверил их мужчина.

– Ну, идёте, я вам покажу, – сказала Жива.

Они отошли немного в сторону и поднялись по ступенькам к торговому ряду. Чернобородый огляделся: хитросплетение автодорог, железнодорожных путей, путепроводов, виадуков, мостов и эстакад опутывало всю местность здесь словно паутиной и будто специально запутывало все подходы к Лысой горе.

– Да тут сам чёрт голову сломит! – недовольно заметил человек, похожий на попа.

– Вот она! – показала рукой Жива на краешек *маленькой горы*, едва выглядывающей над крышами киосков.

– Этот бугор? – искренне удивился мужчина невзрачному виду горы, больше похожей на *большой холм*, – и где же они там собираются?

– Кто они? – не поняла Майя.

– Ведьмы, гори они в геенне огненной!

– Там и собираются, – усмехнулась Жива.

– Как же мне к горе той подойти? – спросил грозный мужчина, теребя бороду.

– Посмотреть на них желаете? – снова съязвила Жива.

– Да... как гореть они будут алым пламенем! – ожесточённо произнёс чернобородый, и в глазах его сверкнули молнии.

Майя и Жива недоумённо переглянулись друг с другом.

– Видите вон там пять вышек, – показала рукой Жива, – идите в ту сторону, там и будет вход на Лысую.

(P.S.: в настоящее время весь периметр автостанции ограждён высоким забором, окрашенным в радужные цвета, но в дальнем углу между бетонными плитами с явным умыслом оставлен узкий проход, будто специально для тех, кому нужно напрямик пройти к северному входу на Лысую.)

– Далековато. А другого пути нет?

– Есть. Но сами вы не найдёте.

– Ага, – призадумался человек, похожий на попа, – а вы там, что, уже бывали?

– И не раз, – улыбнулась Жива.

– И не страшно там?

– Нисколечки, – мотнула она головой.

– Как же? Там ведь, говорят, ведьмы эти так и шастают, пропади они пропадом.

Майя настороженно посмотрела в глаза двоюродной сестре. Жива не смогла сдержаться и с нескрываемой поддёвкой, понизив голос, доверительно прошептала ему:

– А *ведь мы* и есть *ведьмы*.

– Вы? – недоверчиво зыркнул чернобородый, – а не врёте?

Он заметил у неё на груди серебряный пентакль на цепочке – ведьмацкий знак – перевёрнутую пятиконечную звезду, заключённую в круг, и ему всё сразу стало ясно.

Внезапное замешательство в его глазах, *сдвиг*, – и... боком-боком он отошёл от них в сторону, торопливо осенил их издали крестным знаменем и поспешно, не оглядываясь, удалился восвояси.

2. Мёртвая вода и мёртвая еда

Девушки прыснули со смеху. Бросив взгляд на удалявшегося мужчину в чёрном плаще, Майя возмутилась:

– А чего ты сказала ему, что мы ведьмы?

– Да так, – ухмыльнулась Жива, – захотелось его попугать.

– Но ты же ведь... не ведьма? – с сомнением в голосе спросила Майя.

– Ну, какая же я ведьма? – усмехнулась Жива. – Ведьмы поклоняются дьяволу. Наводят порчу, связаны с чёрной магией. Ну, а мы, ведуньи, белые и пушистые. Мы поклоняемся солнцу, земле и воде. Природе, короче. Мы про всё ведаем. Ты ведь хочешь стать, как я, ведуньей? – спросила кузину Жива.

– Хочу, – ответила Майя и с жаром добавила, – очень хочу!

– Ну, если хочешь, значит, станешь.

– А если у меня не получится?

– Получится! С кем поведёшься, от того и наберёшься. Я ведь и сама ещё учусь. Хочу стать *видящей*. Такой, как Навка. Или *вещей*, как Веда.

Майя недовольно сморщила носик.

– Фе, какой неприятный запах! Чем это здесь так воняет?

– Известно, чем – фекалиями. Вперемешку с продуктами горения от мусоросжигательного завода.

– А фекалии здесь откуда?

– С Бортнической станции аэрации. Именно сюда канализацией сносятся зловонные стоки со всего Киева. Причём рядом с ней, словно в насмешку, построили огромный жилой массив Позняки.

– Представляю, чем с утра до вечера там дышат тысячи людей, если даже сюда доносятся эти «ароматы».

– Мне кажется, это специально так сделали, – прикрывая ноздри пальцами, сказала Жива.

– Зачем? – удивилась Майя.

– Чтобы *затвариватъ* людей.

– *Затвариватъ*? – не поняла Майя.

– Ну да, есть такая технология по *затвариванию людей*, то есть превращению их в *нелюдей*.

Проходя мимо табачного и пивного киосков, возле которых толпился народ, Жива пренебрежительно отозвалась:

– Вот, например, из той же серии – пункты дозаправки *одержимых*.

Одержимые, не отходя от киосков, привычно вскрывали зажигалкой пробку от бутылки и, отпив враз треть пойла, тут же трясущимися руками нервно совали в рот вожаемую сигарету.

За киосками следовала уличная раскладка фруктов и овощей. На прилавке среди привычного великолепия субтропических бананов, лимонов и апельсинов, а также дышащих искусственной свежестью парниковых огурцов и помидоров была выложена первая доморощенная весенняя зелень – пучки свежемытой петрушки и мелкой, невзрачной на вид, редиски.

– Какие красивые огурчики! – воскликнула Майя. – Один в один. Так и хочется съесть их.

– А вот есть их сейчас, как раз, и нельзя, – предостерегла её Жива. – Настоящие ещё не поспели, а в этих одни нитраты.

– А помидорчики... Они ведь, как живые!

– Именно, *как живые*. Ведь они совсем не портятся.

Майя расстроилась:

- А что же тогда есть?
- Только то, что поспевает в свой срок – вот эту невзрачную редиску. Только то, что портится, что едят жучки. Жуки, в отличие от людей, химию есть не станут. Если видишь что-то красивое, значит оно, скорее всего, ненатуральное.
- Ты на что намекаешь? – коснулась своих волос Майя. – Что я тоже... ненатуральная? Жива усмехнулась:
- Натуральной ты станешь тогда, когда перестанешь краситься.
- Какая ты нудная, – скривилась Майя.
- Они подошли к бакалейному киоску, и Жива наклонила голову к окошку.
- Пожалуйста, пачку печенья, пакетик орешков и бутылку *живой* водички, – сказала она внутрь.
- Какой? – недоумённо спросили из окошка.
- Минеральной.
- Может, лучше возьми кока-колу и чипсов? – пробурчала рядом Майя.
- Ты чего, издеваешься?
- Расплатившись, Жива забрала с прилавка печенье, орешки и бутылку.
- Повернись, – сказала она двоюродной сестре.
- Почему издеваюсь? – недоумённо произнесла Майя, поворачиваясь к ней спиной. – Я, например, обожаю колу и чипсы.
- Может, ты обожаешь ещё и гамбургеры, а также пиво с сухариками?
- М-м, – облизнулась Майя, – и как ты догадалась.
- С ума сошла? Это ж всё – *мёртвая вода и мёртвая еда*.
- А для чего ж тогда это продают?
- Для того и продают, чтобы люди травились, – ответила Жива, пряча покупку в рюкзачок Майи. – Более того, я тебе скажу, что даже обычную воду из водопровода уже пить нельзя. А всё... ну почти всё, что продаётся в киосках и супермаркетах – это самая настоящая отравка. И пиво, и сигареты, и чипсы, и прочая жвачка.
- Откуда ты знаешь?
- Знаю, – усмехнулась Жива. – Во всех этих бутылках и упаковках нет ничего живого, всё напичкано антибиотиками, красителями и загустителями. В колбасе нет мяса, в молоке нет молока, а пиво делается из порошка. Короче, всё сейчас – сплошная химия. Включая зубную пасту с ядовитым фтором, которым ты чистишь зубы каждый день. При этом во все продукты питания, лекарства и вакцины сейчас добавляется глютенно-калликреиновая смесь, которая замешана на экскрементах, мертвечине, кишечной палочке и чуждой людям ДНК. Одни *баал-бесы* производят это дерьмо, другие рекламируют, а третьи продают его, вынуждая людей есть это дерьмо.
- *Баал-бесы*?¹ – усмехнулась Майя. – Для чего же они это делают? – с детской непосредственностью удивилась она. – Ведь они ж себя тоже этим травят. Разве нельзя производить для людей нормальные *натуральные* продукты?
- Натуральные продукты производят сейчас только ведуньи у себя на огороде, а воду берут из глубокой скважины.

¹ Баал, он же Ваал – бог, владыка, громовержец, требовавший для себя человеческих жертвоприношений (*здесь и далее прим. автора*).

3. Ведьмин язык

– Язык до Киева доведёт, а если это ведьмин язык, то он доведёт вас до самой Лысой Горы, – рассказывал, тем временем, босоногий гид обступившим его экскурсантам. – Попасть на неё с юга можно по Лысогорской улице, которая довольно скоро превращается в опасное для одиноких путников место. Да и не каждый найдёт эту улицу в той глуши.

На западе подобраться к горе тоже непросто. Вплотную к ней примыкает частный сектор, и в хитросплетении узких улочек очень легко заблудиться.

Главный вход расположен на востоке, но о нём мало кто знает. Подойти сюда мешает скоростная автомагистраль, и лишь немногим известно, в каком месте можно пересечь её без-опасно: за путепроводом, на боковом въезде на трассу. Большинство же водителей проносится мимо Главного входа, даже не подозревая о его существовании.

Самый известный и доступный вход на Лысую находится на севере, недалеко от двух-уровневой развязки, там, где улица Киквидзе вливается в улицу Сапёрно-Слободскую. Наверх ведёт асфальтированная дорога, переходящая затем в грунтовую, которая пересекает гору с севера на юг и заканчивается на юго-восточном склоне.

В самом своём начале она вьётся змеей, дважды изгибаясь то влево, то вправо, отчего получила название Змеиногo спуска. «Будьте мудры, как змеи», говорится в Библии. «Быть мудрым змеем» означает «пойдёшь направо, придёшь налево».

Ведьмам этот серпантин чем-то напоминает язык, вернее, два языка, направленных в противоположные стороны. Язычники же в этом спуске видят зигзаг или молнию Перуна, уда-ряющую в лысую гору.

Если взглянуть на Лысую Гору с высоты дрона, то можно заметить, что спуск этот по форме напоминает букву Z или S, – это смотря с какой стороны глядеть. Вот почему этот Змеиный спуск многие называют также Ведьминым языком. Он-то и доведёт нас до Лысой горы.

Человек, очень похожий на попа, в это самое время не сводил глаз от вышек на холме. Принадлежали они Лысогорскому РПЦ, бывшему радиопеленгационному центру, и чем-то напоминали ему пятикупольный храм: четыре вышки по бокам, а пятая, самая высокая – в центре.

Перейдя железнодорожные пути, он спустился в подземный проезд под Сапёрно-Сло-бодской улицей, который являлся также одновременно съездом с эстакады и въездом на неё, и на время потерял холм из виду.

В подземном проезде чернобородый увидел *двух* подозрительных, смахивающих на ведьм, старушек, идущих ему навстречу.

Оглянувшись назад, он заметил шедших вслед за ним *двух* молодых ведьмочек, – тех самых, с которыми познакомился в метро. Их красные юбки и белые сорочки сразу же броса-лись в глаза.

Поднявшись на боковой въезд на эстакаду, он вновь увидел вышки, которые служили ему ориентиром, в каком направлении идти. Только теперь их оказалось уже не пять, а *две*. Прочие скрылись за верхушками деревьев.

Оглянувшись, поп заметил идущих по эстакаде со стороны Печерска ещё *двух* странных субъектов – толстого, будто покрытого овечьей шкурой и оттого похожего на овна, молодого человека в сером спортивном флисовом костюме с капюшоном на голове и худого, длинноно-гого, сильно сутулого парня с рюкзаком на спине, напоминавшего издали сторбленную цаплю, важно передвигающую ногами.

Повертев головой, чернобородый обнаружил странную закономерность: справа на пригорке высились *две* многоэтажные башни-близнецы, слева виднелись *две* одинаковые трубы ТЭЦ, сзади его преследовали *два* гигантских пилона Южного моста, а впереди его поджидали *две* высоковольтные вышки электропередач.

Но более всего поразило его то, что на совершенно ясном, без единого облачка, небо-склоне наблюдалось сразу *два* светила: отчётливо видная в синеве полная луна соседствовала рядом со слепящим солнцем.

Церковный служитель прибавил шаг: получалось, что цифра 2 и всё, что в паре, преследовало его со всех сторон. Ему было известно, что двойка – это число порока, отражающее дурное и женское начало. Кроме того, двойка представляла собой злое число, символизирующее сатану, церковью которого является сама природа. Ведьмы же всегда были его прислужницами. Всё указывало на то, что гора, действительно, была Девичьей и Дьявольской.

Через пару шагов чернобородый вновь остановился: гора эта стояла перед ним совсем рядом. Вышки пропали из виду, и было не понятно, где же находится этот самый вход на неё.

Вся гора, несмотря на то, что имела название Лысая, была покрыта густым непроходимым лесом. Лишь у самого подножия он заметил полосатый дорожный отбойник, заворачивающий от трассы к горе, и опущенный шлагбаум, препятствовавший съезду машин с эстакады и въезду их на гору. Перед шлагбаумом стояла группа людей в джинсах, длинноволосая девушка в чёрной юбке и высокий мужчина в камуфляже. Та самая группа, которую он встретил ещё на платформе в метро.

Внезапное ускорение, сдвиг, – и мы перенесёмся поближе к ней.

– Но прежде, чем мы поднимемся наверх, нам необходимо преодолеть первое препятствие, – рассказывал гид экскурсантам. – Это – собаки. Собак здесь много. Одни бегают по горе, другие охраняют подходы к ней. Есть дикие, есть бродячие, а есть особой породы – лохматые чёрные псы, больше похожие на волков.

Рекомендую обходить стороной всех чёрных животных, которые встретятся вам на Лысой горе – как чёрных кошек, так и чёрных козлов. Но более всего опасайтесь чёрных собак.

Это так называемые церберы, inferнальные псы, в которых воплотились демоны ада. Задача у них простая – стоять на страже. Одних они пускают на гору, других – нет, а третьих, бывает, даже специально загоняют наверх, чтобы те оттуда уже никогда не вышли.

Те же храбрецы, которые остаются здесь на ночь, очень рискуют. Ночью глаза у чёрных псов светятся алым светом и вызывают такую панику у смельчаков, что те бегут отсюда без оглядки.

– Как у собаки Баскервиль? – спросила Лада.

– Типа того, – кивнул босоногий гид. – Остерегаться чёрных псов должны также самонадеянные одиночки и те, кто сознательно идёт сюда распрощаться с жизнью. Надеюсь, среди вас нет таких? – лукаво спросил он у экскурсантов.

Неожиданно из кустов у подножия горы в двадцати метрах слева от шлагбаума раздался оглушительный лай. Вначале экскурсанты увидели убегающего со всех ног бомжеватого вида мужика, а затем и гнавшуюся за ним чёрную лохматую собаку. Бомж припустил так, что только пятки засверкали. Отогнав мужика на боковой въезд на эстакаду, пёс с чувством выполненного долга вернулся на место и уселся перед шлагбаумом.

– Но вы не пугайтесь. Нам этого пса бояться нечего, – сказал гид.

– Потому что нас много? – спросила Лада, фотографируя себя смартфоном на фоне собаки.

Щёлк!

– И по этой причине тоже, – уклончиво ответил гид.

Через минуту в «Вконтакте» появилась её новая фотка:

ОСТОРОЖНО, ЗА МОЕЙ СПИНОЙ ЗЛОЙ ЦЕРБЕР.

Поп подошёл к стоявшему на обочине бомжу и, не желая попадаться экскурсантам на глаза, заговорил с ним:

– А на Лысую гору здесь подниматься?

Небритый мужик закивал головой и, заикаясь, испуганно произнёс:

– Д-д-д-а... Не-не-не-не...

– Так да или нет? – нетерпеливо переспросил его поп.

– Не-не-не... ходите туда.

– Почему?

– Там са-са-са-собаки и на-на-на-наг.

Ничего не поняв из того, что хотел сообщить ему бомж, поп махнул на него рукой и направился к шлагбауму. Группа экскурсантов уже скрылась тем временем за деревьями, начав *своё восхождение* на гору.

Подойдя к шлагбауму ближе, он заметил, что к чёрно-белой полосатой штанге была прикручена эмалированная табличка «Не влезай – убьёт!», снятая, видимо, с трансформаторной будки. Молния на табличке указывала на Лысую гору.

«Свят, свят, свят», – забубнил поп себе под нос.

Рядом с дорожным отбойником был привязан к тонкому деревцу похоронный венок, украшенный красными искусственными цветами. Поп мелко перекрестил себя и продолжил бубнение:

«Господи, помяни во царствии твоём душу усопшего раба твоего, прости прегрешения его вольная или невольная и даруй ему царствие небесное.»

Чёрный пёс, до сих мирно лежавший на земле неподалёку, вдруг зарычал и, вскочив на ноги, злобно залаял на бубнящего мужчину в чёрном плаще.

Тут же со стороны стройки, где одиноко стоял бульдозер, а перед разрытой траншеей валялись *две* трубы, раздался ответный лай. Из-под строительного вагончика выскочил ещё один кудлатый чёрный пёс и, набирая скорость, понёсся навстречу непрошенному гостю.

Поп испуганно замер на месте, не зная, куда деваться. Обе собаки приблизились к нему почти вплотную и, разрываясь от лая, скалясь и брызгая слюной, заставили его отступить к шлагбауму.

– Боже, спаси и сохрани, спаси и сохрани, – забормотал он и принялся истово и размашисто осенять себя крестным знамением.

Видя, что собаки продолжают наступать на него, чернобородый поспешно нырнул под полосатую штангу и, пятясь назад, продолжил ограждать себя от нечистой силы силой божественного слова:

– Отврати и удали от меня злое нечестие, действующее по наущению дьявола...

Как только поп оказался за шлагбаумом, собаки тут же почему-то прекратили лаять и, довольные собой, даже радостно завиляли хвостами.

– ...и верни его верных псов обратно в преисподнюю, – добавил он.

После этих слов псы поджали хвосты и с виноватым видом вернулись на прежнее место, к строительному вагончику.

(P.S: через полгода всю технику вместе с вагончиком отсюда вывезли, трубы зарыли в землю, площадку утрамбовали, после чего исчезли и собаки. Видимо они, действительно, убрались в преисподнюю.)

Свернув влево на дорогу, поднимающуюся по склону вверх, поп начал *своё восхождение* на Лысую гору.

Внезапное ускорение, сдвиг, – и мы вновь перенесёмся поближе к экскурсантам.

Пройдя первые сто метров крутого Змеинового спуска, они остановились: Ведьмин язык делал в этом месте настолько крутой поворот, что дальше им предстояло идти теперь в противоположном направлении.

Заросший густым лесом склон, готовый сползти на дорогу, подпирала бетонная стенка, выкрашенная в жёлтый цвет. Синим цветом выделялась надпись на этой стене: «Киевская крепость приветствует вас на территории Лысогорского форта».

Далее на бетонной поверхности были нарисованы две странные картинки: вырывающийся из пролома в стене велосипедист в красном плаще с чёрным подбоем и вопящая от ужаса девушка.

Художник явно постарался и, видимо, не один день провёл здесь с палитрой, кисточкой и масляными красками. Особенно удался ему живописный портрет девушки, поскольку смотреть на её лицо, искажённое ужасом, без содрогания и трепета было невозможно. На пределе раскрытый рот с обнажёнными дёснами и донельзя зажмуренные глаза выражали не просто эмпирический страх, а настоящий АНГСТ, сверхъестественный ужас чего-то доселе невиданного.

– И что это... всё означает? – испуганно спросила крутобокая женщина с огромными, как у коровы, выпуклыми глазами, с интересом разглядывая вместе со всеми рисунок на стене.

– Скорей всего, это символическая картина, – усмехнувшись, ответил ей молодой человек с бульдожьим выражением лица и продекламировал, – ревёт и стонет Украина... от загревающих рук иных.

– А чего эта девушка так испугалась? – с недоумением спросила Лада.

– Наверно, увидела здесь что-то такое, чего никогда раньше не видела, – ответил гид.

– Этого велосипедиста в плаще с красным подбоем? – предположила барышня, облизав губы длинным и узким, как у ящерицы, язычком.

– Возможно, – ответил гид.

Завершались настенные картины не менее странным граффити, выполненным в стиле «блокбастер». Гигантские буквы в рост человека были раскрашены красной краской и окантованы чёрной.

Это был своего рода указатель, потому что слово «ШАБАШ» заканчивалось красной стрелкой, в которой стояла чёрная подпись райтера – «grf».

– Ух ты! – радостно воскликнул похожий на кролика Сеню мужчина в очках. – Все идём на шабаш?

Все мило ему улыбнулись.

– Но только после окончания экскурсии, – уточнил гид.

Через пять минут сюда поднялся и следовавший за ними чернобородый мужчина в длинном чёрном плаще. Заметив на желтой подпорной стенке знакомое слово, человек, похожий на попа, остановился и с негодованием покачал головой.

Чуть далее, справа от дороги ему повстречался ещё один странный указатель. К засохшему стволу акации была прибита кем-то чёрная доска, на которой белой краской было наложено «ПЕКЛО – ИРИЙ».

– Пекло, значит? Ничего я вам устрою пекло, – привычно сказал он самому себе.

Осенив гору крестным знаменем, он всё же пошёл в указанном направлении. При этом лицо его озарилось вдруг самодовольной ухмылкой.

(P.S: сейчас ту подпорную стенку уже не узнать: ни картинок, ни надписей, ни указателей больше не существует. Бетонная стенка была полностью перекрашена в чёрный цвет целой бригадой граффитчиков, подписавшимися, как NBK Crew, а на чёрном фоне теперь нарисо-

ваны две симметричные группы симпатичных белых привидений с кричащими ртами, чем-то напоминающими страшные маски из фильма «Крик».)

4. Дань горе

– Всё наше славное местечко вдоль и поперёк пронизано тектоническими разломами, – тем временем рассказывал босоногий гид экскурсантам, поднимаясь вместе с ними по Ведминому языку. – Самый опасный из них пролегает вдоль Днепра по его высокому правому берегу и захватывает все остальные двенадцать лысых гор, начиная с Китаево и заканчивая Юрковицей.

Вот почему все эти возвышенности, такие живописные, откуда открываются прекрасные дали, которые, казалось бы, самой природой созданы для поселения, никогда ранее не заселялись.

Линия разлома представляет собой волну с резкими перепадами от минимума к максимуму. И зачастую провалы с отрицательной энергией соседствуют с благоприятными местами, где наблюдается положительная энергетика.

Геопатогенная зона проходит по краю Центрального ботанического сада и тянется далее по холмам, при этом языческая статуя Родины-матери соседствует с золотыми куполами Киево-Печерской лавры, а самое проклятое в Киеве здание Верховной рады находится на одной оси с перманентно-революционным Майданом Незалежности, лежащим во впадине бывшего Козьего болота.

Памятник святому Владимиру Крестителю на Владимирской горке расположен неподалёку от сказочно-красивого городка миллионеров Гончары-Кожемяки, в котором долгие годы никто из них не селится по причине того, что построен он в дьявольском провале у подножия лысой горы Хоревицы.

А вот дубовый чур Перуна, периодически уничтожаемый на Старокиевской горе рядом с развалинами Десятинной церкви, постоянно восстанавливается на своём исконном месте, как бы это не хотелось монахам из новопостроенного рядом Храма Десятинного мужского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы.

Благие места давно уже облюбованы православными священниками, обители которых в большинстве своём построены на месте языческих капищ. При этом подмечено: как только в святых местах начинается повышенная активность, то вскоре такая же активность проявится и в провале.

– А вам не холодно так идти, – участливо спросила гида Владислава, кивнув на его босые ноги.

– Нет, Лада, совершенно, – ответил он. – Более того, я всем рекомендую ходить босиком. Ведь обувь препятствует непосредственному контакту с Землёй, а я, к примеру, заряжаюсь энергией только от неё.

Тем временем к бомжу-заике, сидевшему на обочине, подошли две девушки в красных юбках и в белых сорочках.

– Не-не-не-не ходите ту-ту-ту-туда, – остановил он их, трясая головой и показывая рукой на Лысую Гору.

– Хорошо, – кивнула ему Жива, лишь бы тот отцепился.

– Там са-са-са-собаки и на-на-на-наг.

– Я знаю, – ответила ему Жива и кивнула Майе, чтобы та следовала за ней.

– Странный какой-то, – покосилась в его сторону Майя, когда они отошли от него, – собак боится и ещё кого-то.

– Он давно уже сюда прибился, – пояснила Жива. – Живёт то ли в коллекторе, то ли в дренажке.

– А кто такой этот на-на-наг?

– Я тебе потом расскажу.

Они остановились перед шлагбаумом с эмалированной табличкой «Не влезай – убьёт!». Увидев привязанный к тонкому деревцу похоронный венок с красными искусственными цветами, Майя заканючила:

– А может, лучше пойдём другой дорогой? Что-то у меня такое чувство...

– Дались тебе эти чувства! Идём! – подтолкнула её Жива.

– Чего-то мне стрёмно идти вслед за попом, которому хочется нас сжечь.

– Не бойся! Ты ж видела, он сам нас испугался.

Неожиданно, откуда ни возьмись, из-за кручи, подрытой бульдозером, выскочили две чёрные лохматые собаки и с громким лаем бросились к ним. От их ужасного вида, от безысходности происходящего и от невозможности куда-либо спрятаться у Майи застыла кровь в жилах и пробежали мурашки по спине.

– Что делать? – испуганно прошептала она.

– Доставай скорей печенье! – посоветовала Жива, не потерявшая самообладание.

Майя одним махом сбросила с плеч рюкзак, не мешкая, достала из него пачку, проворно разорвала целлофан и тотчас кинула печенье «К чаю» оскалившимся в полуметре от них собакам. Те тут же набросились на *печеньки*, скуля и повизгивая, словно ничего давно не ели. Сменив гнев на милость, они тотчас завиляли хвостами.

– Вот видишь, как легко врага, – заметила Жива, – обратить в друга.

Обойдя сбоку закрытый шлагбаум и свернув на дорогу, поднимающуюся по склону вверх, двоюродные сёстры начали *своё восхождение* на Лысую гору.

Вскоре они оказались наверху, на том самом месте возле подпорной бетонной стенки, где ещё совсем недавно стоял чернобородый мужчина.

– Жуть какая! – передёрнула плечами Майя, останавливаясь перед странным портретом «вопящей от ужаса девушки».

– Это Леля – дочка волхва Лысогора, – объяснила Жива. – Пропала здесь шесть лет тому назад.

– А чего это она так страшно кричит?

Жива пожала плечами:

– Её ведь до сих не нашли. Предполагают, что её похитил тот самый «на-на-наг». Или просто наг.

– Да кто же это такой? – в нетерпении воскликнула Майя.

– Я тебе позже расскажу, – вновь уклончиво ответила Жива, – а то после моих рассказов тебе и впрямь сюда идти не захочется.

– А велосипедист этот, кто? – кивнула Майя на другой рисунок.

– Один из этих, из чистильщиков Лысой Горы. Которые порядки тут свои наводят. Он часто здесь гоняет.

Двоюродные сёстры прошлись затем мимо гигантского граффити «ШАБАШ», каждая буква которого была выше их роста. Их белые сорочки заметно выделялись на чёрно-красном фоне.

– Значит, мы идём в правильном направлении? – усмехнулась Майя.

– Как видишь, – кивнула Жива на указывающую направление стрелку.

– Надо же, кто-то постарался, – хмыкнула Майя, – даже специально указатель для вас намалевал.

– Не только для нас.

– А для кого ещё?

– Для своих, вернее, для чужих.

Майя вопросительно посмотрела на неё. Жива тут же пояснила:

– Видишь, слово это читается одинаково, как слева направо, так и справа налево. Как в зеркальном отражении. Чужие, иные и прочие черти скоро толпами попрут сюда. А поскольку читают они все справа налево... ну, видно, зрение у них так устроено...

– А разве *они* тоже будут здесь? – перебила её Майя. – Ты же ничего про них не говорила.

– Не бойся, *они* тебя не тронут, – успокоила её Жива. – Ты их даже не увидишь... пока сама не станешь ведьмой.

Чуть далее, справа от дороги им повстречался ещё один странный указатель. К засохшему стволу акации была прибита кем-то чёрная доска, на которой белой краской было намаляван «ПЕКЛО – ИРИЙ». Жива недоумённо повела головой:

– Хм, раньше этой доски здесь не было.

– А что такое ирий? – поинтересовалась Майя.

– Так родноверы называют рай.

– И где же он находится?

– Вон там, – показала Жива рукой туда, куда указывала доска, – на невидимый за деревьями далёкий холм, раскинувшийся как раз напротив Лысой горы, – на Бусовой горе. Именно там раньше обитали боги славянские. Ну, в то самое время, когда греческие жили на Олимпе.

– Там ведь сейчас Ботанический сад, – пожала плечами Майя.

– Это сейчас там сад, а раньше находился ирий.

– Вот когда там сирень зацветёт, там действительно, будет рай. Сходим туда через недельку?

– Обязательно, – пообещала Жива, – а пока нам с тобой придётся отправиться в «пекло».

– Не пойму, кому взбрело в голову так назвать Лысую гору?

– Явно не тем, кто любит её посещать. Ты лучше спроси её, чья она?

Майя спросила:

– Лысая гора, ты чья?

Гора, благодаря чревовещательным способностям Живы, ответила ей как бы глухим, невнятным эхом:

– Девичья!

Майя расхохоталась.

– Можно к тебе? – вновь спросила своим обычным голосом Жива.

Майя прислушалась, но ничего на этот раз, кроме шума и гула с трассы, не услышала.

– Не отзывается что-то, – недоумённо пожала она плечами.

– Ладно, доставай тогда орешки и минералку, – кивнула ей Жива.

Майя сняла рюкзачок и вынула из него пакетик с земляными орешками и бутылку с сильногазированной минеральной водой. Жива разорвала пакетик зубами и, высыпав на ладонь горсть орешков, неожиданно разбросала их веером по земле.

Майя с удивлением посмотрела на неё.

– Ты чего?

– Угощайся, Девичья, – добавила Жива, бросив ещё одну пригоршню орешков на землю.

– Зачем это?

– Это дань. Есть у Лысой горы негласный закон: с каждого входящего она берёт дань. Если её не дать, обязательно *что-нибудь* тут потеряешь.

– *Что ни будь?* – переспросила Майя, услышав в этом слове забавное созвучие: *то, чего не будет*.

– Ну, в основном, она забирает золотые украшения. Женщины чаще всего теряют здесь цепочки, кольца и серёжки. У мужчин обычно с руки соскальзывают часы или браслеты. Гора всегда забирает себе то, что ей причитается.

– А мне что дать? – спросила Майя.

– А ты угости её водичкой.

Открыв минералку, Майя тут же зажала пальцем горлышко бутылки, слегка потрясла её, а затем, слегка отпустив палец, окропила вырвавшимся веером брызг землю, словно дождевиком.

– Попей водички, Девичья.

Она даже не догадывалась, что именно этой данью спасает кому-то жизнь.

5. Димон-А и С` Димон

– Лысая Гора причислена геологами к геопатогенным зонам первого порядка, – продолжал свой рассказ босоногий гид. – Это такой участок земли, где происходит накопление и выброс земной энергии. Такие зоны чаще всего связывают с разломами земной коры.

Лысая Гора как раз и находится на пересечении трёх глубочайших тектонических трещин. Похожее аномальное место можно найти лишь на противоположной стороне земли в районе бермудского треугольника. Но если там, главным образом, исчезают корабли и самолёты, то на Лысой, в основном, бесследно исчезают люди.

К тому же, аномалия на Бермудах находится в океане, а здесь расположена чуть ли не в центре Киева. Лысая Гора, в сущности, – это чёрная дыра, в которой происходит искривление времени и пространства. Всё, что попадает в эту мёртвую зону, остаётся в ней навсегда.

Правда, стоит признать, что место входа в чёрную дыру очень компактно и ограничено пределами самой Лысой Горы. И зачастую люди, проживающие в километре отсюда, даже не подозревают, что рядом находится проклятое место.

Кроме того, здесь находится так называемая грозовая аномальная зона. Когда над нашим огромным местечком Киевом гремит гроза, молнии ударяют в Лысую гору гораздо чаще, чем в другие районы. Гора каким-то образом притягивает к себе большинство электрических разрядов. Молнии бьют здесь одна за другой. Поэтому, как только где-то поблизости начинает греметь гром, с Лысой горы лучше бежать без оглядки.

Определить аномалию, между прочим, очень легко. Для этого следует обратить внимание на деревья. Вот, посмотрите, – показал гид, – если они искривлены, скрючены, поражены омелью, имеют необычные наросты, а сами стволы раздваиваются – это и есть признак аномальной зоны.

Щёлк!

Я В АНОМАЛЬНОЙ ЗОНЕ

– Если магнитная стрелка компаса, – продолжал гид, – дёргается здесь, не переставая, маятник на нитке крутится, как бешеный, а медная рамка просто вырывается из рук, – это также признак мёртвой зоны.

Именно это и наблюдается на Лысой Горе. Но вам, дорогие мои любители неизвестного, опасаться нечего, поскольку с вами ваш покорный слуга, который провёл здесь по неведомым дорожкам уже не одну сотню людей, – обнадёжил экскурсантов лысый гид.

Щёлк!

– Лада, я же вас предупреждал, – недовольно покосился он на девушку в длинной юбке, – что меня щёлкать не нужно!

– Больше не буду! – ответила Лада, набирая текст на дисплее смартфона заострённым чёрным акриловым ноготком. Через минуту в соцсетях появилась фотка лысого человека в бейсболке, пытавшегося закрыть лицо рукой.

НАШ СТЕСНИТЕЛЬНЫЙ ГИД.

Тем временем, со стороны Печерска, двигаясь по эстакаде, пересекающей Сапёрно-Слободскую улицу, приближались к горе двое парней. Один был похож издали на тучного овна, другой – на длинноногую горбатую цаплю. Сходство с овном придавал одному из них спортивный серый флисовый костюм с капюшоном, другого горбатил чёрный рюкзак за спиной.

Оба они были студентами медицинского университета, и оба были тёзками: и того и другого звали Дмитрий или попросту Димон. Кроме того, их объединяла одна, но губительная страсть – страсть к путешествиям.

Любители экстрима, они предпочитали экстремальные туры, зачастую связанные с риском для жизни, чтобы как следует оттянуться после нудных занятий в университете. На сей раз для очередного психоделического «трипа» они выбрали Лысую Гору.

Похожий на овна Дмитрий Кумарин учился на врача-анестезиолога. Это был приятный молодой человек с небольшой бородкой и огромным пузом. Впрочем, пивной живот и толстый зад нисколько не мешали ему наслаждаться жизнью.

Переубедить его было невозможно, поскольку он, действительно, был упёртый, как баран. Более того, он ещё и по гороскопу был «овном». Несмотря на это, Дмитрий Кумарин был неисправимым оптимистом, и во всём видел только светлую сторону жизни.

Он так же крепко стоял на ногах, как и буква «А». Поэтому приятель и называл будущего анестезиолога – Димоном-А, а тот в свою очередь, именовал будущего врача-онколога – О`Димоном.

В отличие от альфы его приятель-омега Дмитрий Торчин был худощав, как высохшая вобла. Это сравнение подходило к нему ещё и потому, что он относился к знаку зодиака «рыбы».

Иногда он бывал весел, но чаще всего на его лице пребывала печать уныния. Как будто он знал что-то такое, чего никто не знал, и это знание делало его таким печальным и безрадостным. Может, поэтому он и одевался всегда во всё чёрное.

Похожий на цаплю О`Димон был на голову выше своего приятеля и гораздо уже его в плечах. Стесняясь высокого роста, он постоянно сутулился, отчего голова его на длинной шее всегда шла как бы впереди туловища.

Надетый на спину рюкзак дополнял его схожесть с горбуном. «Горбатого могила исправит», часто любил повторять он о себе, но по другому поводу. Увлёкшись с недавних пор поисками смысла жизни, перечитав вскользь кое-что из Ошо и Кастанеды, он пришёл к выводу, что в реальной жизни найти его нельзя. Обрести его можно лишь в астрале.

Выход в астрал достигался тремя способами: с помощью медитаций, холотропного дыхания и галлюциногенных психоделиков. Благодаря последним выйти из тела, уйти во вселенную и поговорить с духами о том, о сём, было особенно легко и просто.

В давние времена общаться с ними могли лишь избранные: шаманы, маги и колдуны (за что их с успехом сжигала на костре священная инквизиция). В наше время это могли позволить себе даже студенты медицинского университета.

Правда, Дмитрий Торчин и Дмитрий Кумарин находили слишком тривиальным поиски смысла жизни в городских условиях в четырёх стенах за кухонным столом, на смятой постели или в объятиях унитаза. Кроме того, они считали, что постичь истину невозможно также и в ночном клубе в тесном скоплении людей под бьющую по ушам трансовую музыку.

Опыт расширения сознания подсказывал им, что настоящее психоделическое путешествие возможно лишь на природе: в лесу на поляне на фоне деревьев или под шум волн на песчаном пляже. Только на открытом воздухе под солнцем вдали от цивилизации возникает реальная магия, и только при свете луны можно увидеть истинную Лусу в небе, сияющую диамантами, а если повезёт, то и самого Lucyfer-a.

Правда, будучи приверженцами здорового образа жизни, О`Димон и Димон-А предпочитали исключительно натуральные продукты растительного происхождения. Они считали, что всё, что даёт природа – это хорошо (даже если это дурман), поскольку у всех трав, грибов и кактусов есть душа, а вот синтетические вещества – это ужасная химия и страшные наркотики, от которых можно сойти с ума и даже умереть в самом расцвете лет.

– А что это там за вышки? – спросил О`Димон.

Отсюда с эстакады ему хорошо были видны верхушки радиолокационных вышек: одна высокая и четыре по бокам – поменьше.

– Ретрансляторы, – со знанием дела ответил Димон-А.

– Киевстар?

– Это для прикрытия.

Димон-А сбросил с головы капюшон и предстал перед приятелем в чёрной бандане, разукрашенной белыми черепами и перекрещёнными костями.

– А на самом деле – это секретный объект, – объяснил он. – Раньше вышки использовались, как глушилки дружеских голосов – «Голоса Америки» и «Свободы». А сейчас что-то с космосом связано. Наверно, по связи с пришельцами.

– С пришельцами? – удивился О`Димон.

Димон-А кивнул и загадочно улыбнулся.

– Но вероятно, – продолжил он, – они тут используют отрицательную энергию горы, как оружие для борьбы с противником.

– С кем именно? – полюбопытствовал О`Димон.

– А кто его знает? – пожал плечами Димон-А. – Поскольку они не такие уж и мощные, то скорей всего против собственного населения.

– А представь себе, – воодушевился О`Димон, – сколько тогда чёрной энергии ретранслирует на Киев ещё одна вышка!

– Какая?

– Ну, эта телевизионная... которая построена на месте кладбища в Бабьем Яру.

– Смотри, вон, – кивнул Димон-А, предупреждая приятеля.

Парни остановились. Внизу перед шлагбаумом, в метрах двадцати от них, возле похоронного венка, привязанного к тонкому деревцу, лежали на земле и грелись на солнышке два чёрных лохматых пса.

– А, – беспечно махнул рукой Димон-А, – это мирные собаки. Они не кусаются.

Заметив приближающихся парней, мирные собаки неожиданно вскочили с земли и принялись гавкать на них, словно оглашенные. Вскоре к ним присоединился ещё один чёрный пёс, привлечённый лаем. Тоже лохматый. Собаки, видно, были из одного выводка. Переполненные необъяснимой злобой, они стояли перед шлагбаумом и изрыгали на непрощенных гостей свои собачьи проклятья, явно не желая пропускать их вперёд.

– И что дальше? – опешил О`Димон.

Дорога наверх была только одна, обойти собак не представлялось возможным ни слева, ни справа. Димон-А огляделся вокруг в поисках хоть какой-нибудь заваливающей палки и обнаружил на обочине лишь несколько крупных камней и множество мелких.

Первый камень до собак не долетел, второй бросок оказался также неудачным и только ещё больше разъярил мирных псов. Один из них, брызжа слюной и сея ужас, даже бросился вперёд на обидчиков, но тотчас упал, подкошенный третьим булыжником.

Два других пса тут же кинулись к скулящему собрату на помощь, но также были отброшены назад градом мелких камней, пущенных О`Димоном, после чего все трое, скуля и повизгивая, ретировались к стоявшему на отшибе бульдозеру.

Путь наверх был открыт. Покосившись на похоронный венок и обойдя сбоку опущенный шлагбаум с двусмысленной табличкой, два студента-медика свернули на дорогу, поднимающуюся вверх по склону, и начали *своё* восхождение на Лысую гору.

Несколько минут спустя О`Димон непроизвольно втянул голову в плечи.

– Не, тут реально стрёмно. Только зашли, а мне уже как-то жутко становится. Даже ноги в гору не идут.

Димон-А ласково подбодрил его:

– Это ещё что! Вот дальше будет местечко... там вообще к земле пригибает.

О`Димон тут же заныл:

– Чего-то мне уже сейчас *не-хоррор-шо*.

Димон-А ободряюще похлопал его по предплечью:

– Это поначалу, О`Димон. На новичков это место всегда так действует. Ничего визуально странного, конечно, здесь не наблюдается, но чувствуется, что что-то тут такое есть. Наверно, потому что там, где сейчас стоят эти вышки, раньше стояли виселицы. Там казнили преступников, включая Богрова – убийцу Столыпина. А потом всех казнённых зарывали тут же рядом.

– Жуть, – завёл глаза под веки О`Димон.

– К тому же здесь фонит сильно, – продолжил нагнетать обстановку Димон-А. – Уровень радиации в два-три раза выше, чем по Киеву.

– Ни хера себе, – ошеломлённо раскрыл глаза О`Димон.

– Не говори так никогда – «себе», – прервал его Димон-А, – а то, действительно, без хера останешься.

– Не останусь, – заверил его приятель.

– Когда-то раньше здесь была свалка радиационных отходов, – продолжил Димон-А, – но после Чернобыля, говорят, всё вывезли.

– Чего ж тогда фонит? – шмыгнул носом О`Димон.

– Видимо, из недр. Здесь же ещё до войны был построен радийный завод, руду добывали.

– Чёрт, я уже весь на измене, – совсем приуныл О`Димон, остановившись. – Может, давай для затравки сначала дунем травку?

– Давай, брат.

В последнее время оба Димона, то ли по приколу, то ли ещё по какой причине, стали называть друг друга братьями, а также носить на запястье левой руки красную шерстяную нить, завязанную на семь узлов. Закурив, они двинулись дальше, привычно пряча косячок в кулаке.

– А где у тебя забита стрелка? – поинтересовался О`Димон.

– Да вот тут, под этой стрелкой.

Они подошли к бетонной подпорной стенке, на котором красовалось гигантское граффити «ШАБАШ» с огромным красно-чёрным указателем.

– Ну, тогда, короче, шабаш. Здесь и постоим, – пыхнул О`Димон и добавил, – тем более, что шабаш уже наступил.

– А разве шабаш уже наступил? – удивился Димон-А.

– Ну, да, вчера ещё, с первой звезды, – с достоинством ответил О`Димон и с подозрением уставился на приятеля, – а ты разве не чтить эту заповедь господню?

– Да это, вообще, моя самая любимая заповедь! – с пылом возразил ему Димон-А.

– И что же она гласит? – с издёвкой спросил О`Димон.

– Помни день субботний и не делай в этот день никакого дела.

– Что ж ты тогда не помнишь, какой сегодня день?

– Просто я давно уже ничего не делаю, и для меня каждый день шабаш, – оправдался Димон-А, – а если мы попадём на тот шабаш, – кивнул он на граффити, – то у нас получится, вообще, двойной шабаш.

О`Димон удовлетворился его ответом. Чуть далее, справа от дороги им повстречалась высохшая акация с прибитой к ней доской, на которой был намалёван ещё один странный указатель «ПЕКЛО – ИРИЙ».

– А ирий... это что? – озадачился он.

– Не знаю, – пожал плечами Димон-А, – по-видимому, это рай, принимая во внимание, что означает слово пекло.

– Значит, эта дорога ведёт нас в ад?

– Ты очень догадливый, О`Димон.

– Может, не пойдём туда.

– Не смейся чертей, – успокоил его упитанный, как овен, Димон-А. – Я ведь там бывал уже, и не раз. И как видишь, со мной ничего не случилось. Мы же за травкой идём. А она растёт только там, в инферно. Нарвём немного тирлича да сон-травы и назад.

– Ладно, Димон-А, уговорил. Сон-травка – травка что надо. Никакой химии, природный галлюциноген.

Подойдя к высохшей акации, Димон-А повернул прибитую к ней доску так, чтобы одним краем – «ирием» – она стала показывать наверх, а другим – «пеклом» – вниз, тем самым указав истинное направление. Идущий следом за ним О`Димон, несогласный с подобным расположением ада и рая на Лысой горе, тут же повернул доску на 180 градусов, в результате чего «ирий» оказался внизу, а «пекло» – наверху.

6. Изыди, дьявол, из горы сия!

В последний день апреля, когда Лысая уже перестаёт быть собственно лысой и покрывается зелёной растительностью, Гору посещает больше всего народу. Причём, все, кто идут сюда – идут сюда не просто так. *Простых людей здесь не бывает.* Многие остаются здесь до темноты, чтобы в ночь на 1 мая отпраздновать Вальпургиеву ночь.

В отличие от Хеллоуина, ноябрьского кануна Дня всех святых, когда силы зла перед наступлением зимы выходят из преисподней на поверхность, Вальпургиева ночь является последней ночью, которую празднует тьма перед тем, как вновь залечь на дно и освободить землю для торжества света.

Именно в эту ночь на горе с недавних пор стали полыхать костры и раздаваться истошные вопли, сумасшедший хохот и завывания, наводящие ужас не только на окрестных жителей, но и на всех посетителей Лысой.

Кто же приходит сюда?

Ну, прежде всего, язычники, которые справляют сегодня родоницу. Подняв руки кверху, они поминают предков, призывая их спуститься на землю: «Летите, родные деды, слетайтесь родные бабы...».

За полночь у родноверов начинается другой праздник – Живин день. Женщины, взяв метлы, совершают обрядовую пляску вокруг костра, очищая место от нечисти. Прославляют Живу, богиню жизни, которая оживляет природу, посылая на землю весну. Прыгают через огонь, очищаясь от наваждений после долгой зимы, затевают веселые игрища и хороводы вокруг костра.

В Майский Канун Лысая Гора становится также местом шабаша ведьм и чертей. Не следует поминать их сегодня вслух – они тут же появятся! Ведьмы сходятся в эту ночь, чтобы отметить Навий день, а черти, чтобы предаться вместе с ними разврату.

В последнее время зачастили сюда и любители кельтской культуры: так называемые толкинисты – эльфы и орки, а также поклонники викки. Все вместе они празднуют здесь Бельтейн – ночь костров.

Всю ночь на Главной поляне возле памятного камня играет волынка, сменяя друг друга, выступают музыканты. Всю ночь напролёт под песни и гитарные аккорды работает бар «У беса», где можно полакомиться всякими вкусняшками. Изрыгая пламя изо рта и вращая огненные шары, показывают своё искусство фаершики. Феечки с прозрачными крыльями и викканки в длинных юбках танцуют вокруг костра, после чего всей компанией выбирают Короля и Королеву Майской ночи.

Лысая манит к себе и маньяков. Забредают сюда и пьяные гопники, встреча с которыми не сулит ничего хорошего. А наутро, бывает, кое-кто не досчитывается своих друзей.

Из года в год всё больше людей отправляется сюда праздновать Вальпургиеву ночь, и никого не страшит, что многие здесь бесследно исчезают. Именно бесследно, то есть зашли на гору и не вышли. В основном, это те, кого никто не ищет, изгои общества: алкаши, бомжи и наркоманы. Поэтому точное количество пропавших людей за ночь не поддаётся учёту.

Вот почему Вальпургиеву ночь так не любит местная милиция. Она денно и нощно охраняет все подступы к ней в последний день апреля, когда Лысая уже перестаёт быть собственно лысой и покрывается зелёной растительностью.

Так босоногий гид рассказывал экскурсантам, ведя их за собой по асфальтовой дороге, которая под уклоном поднималась вверх.

В дальнем конце её, невидимом отсюда, дорогу пересекал ещё один полосатый шлагбаум и находился контрольно-пропускной пункт. Перед шлагбаумом стояли два бойца отдельной бригады специального назначения «Барс», одетые в пятнистую синевато-чёрно-белую форму.

За их спинами был виден забор, сложенный из бетонных плит, на одной из которых издевательски красовалось намалёванное чёрным спреем ещё одно слово «шабаш» со стрелкой, указывающей налево.

За забором возвышался таинственный режимный объект с пятью радиовышками. Слева от шлагбаума громоздилось полуразрушенное одноэтажное строение, так называемая «кутузка» – бывшая гауптвахта комендатуры, а справа возвышался щит с надписью на государственном языке: «Регіональний ландшафтний парк „Лиса Гора“. Площа 137,1 га».

Старший сержант вёл себя спокойно, ему здесь было не впервой. А вот младший сержант впервые находился в необычном месте и был явно чем-то обеспокоен. Каркнет вдалеке ворона – он вздрогнет, зашуршит что-то в кустах – он резко обернётся. Здесь явно витала какая-то голодная энергия. Она разъедала мозг, нагоняя панику и беспричинный страх. Причём ещё полчаса назад всё было мирно и спокойно. А сейчас творилось что-то непонятное. *Будто кто-то случайно нажал на кнопку в пульте генератора кошмаров.*

– Чёрт знает, что! Откуда они здесь?

Из-за кустов выглянул чёрный козёл, чуть поодаль просматривались за деревьями две белые козочки. Старший почесал шею:

– Да местные их здесь выпасают.

Вновь истошно каркнула ворона. Младший дёрнулся:

– Задолбала уже! Если б можно, пристрелил бы к чертям собачим!

– Здесь раньше ракетная воинская часть стояла, – пояснил старший. – Так вот, её убрали отсюда только потому, что солдаты тут с ума сходили. Прикинь, каких дров они могли бы наломать.

Младший сержант усмехнулся, представив на секундочку летящую ракету, выпущенную с перепуга обезумевшим солдатом при виде чёрта с рогами.

– Особенно плохо они чувствовали себя в полдень и в полночь, – продолжал старший сержант. – Карканье ворон и уханье совы они принимали за бесовский разговор и хохот дьявола. Наверно, для того и поставили здесь эту гауптвахту, – показал он рукой на кирпичное строение с зарешёченными окнами, – чтобы салагам здесь жизнь мёдом не казалась.

Словно в подтверждение его слов откуда-то издалека донёсся чей-то хохот, возможно, даже и дьявольский. Младший сержант с тревогой оглянулся вокруг.

– А который сейчас час?

Старший глянул на часы:

– Скоро двенадцать.

– Чёрт, а я думаю, что это на меня такое находит?

Неожиданно младший сержант приосанился, заметив, что к ним приближается группа явных сатанистов из тринадцати человек, возглавляемая босоногим мужчиной в камуфляже.

Они явно маскировались под обыкновенных людей. Все они (шесть мужчин и пять женщин) были в джинсах, футболках и кроссовках, за исключением одной симпатичной девушки с заплетённой косой до пояса в полупрозрачной дымчатой блузке и длинной чёрной юбке до пят.

Девушка эта явно предназначалась для жертвоприношения.

– И куда это вы собрались? – спросил младший сержант, когда они все собрались перед шлагбаумом.

– На экскурсию, – ответил за всех босоногий.

– Поворачивайте назад, – тоном, не терпящим возражение, приказал им старший сержант.

– Как это так? – возмутился мужчина в камуфляже.

Он явно был их предводителем.

– А вот так, – поставил его на место старший сержант. – И чтобы я больше вас здесь не видел.

– А в чём дело? – разошёлся их предводитель. – Почему вы нас не пускаете? Я гид, я провожу экскурсию на Лысую гору. Люди собрались со всего Киева, чтобы посмотреть на неё, а вы...

– Нечего вам на горе этой делать, – жёстко прервал его старший сержант. – Нам не велено пропускать сегодня на гору большие группы людей.

– Это почему ещё? – возмутился молодой человек с бульдожьим выражением лица.

– А то вы не знаете, какой сегодня день? – хитро усмехнулся младший сержант.

– Знаем, – ответил похожий на кролика высокий мужчина в очках с полуоткрытым ртом, из которого выглядывали два передних зуба, – суббота.

– А ночь, – осклабился старший сержант, – какая сегодня намечается ночь?

– Вальпургиева ночь, – ответила длинноволосая девушка в чёрной юбке и в дымчатой блузке, – если вы это имеете в виду.

– Вот, – обрадовался её ответу старший сержант, – именно эту ночь я и имею в виду. Ночь, на которую слетаются сегодня все ведьмы Киева. Вот почему в связи с повышенной активностью подобного рода женщин, а также сатанистов и прочих подручных дьявола, собирающихся устроить здесь шабаш, нам и не разрешено пропускать на гору группы, в количестве более трёх человек. А вас тут гораздо больше. Так что поворачивайте назад. Ваша экскурсия отменяется. Приходите завтра или послезавтра.

– А можно я с вами сфотаюсь на память? – попросила милиционеров длинноволосая девушка.

Щёлк!

Через минуту во всех статусах Лады появилась новая фотка с записью:

ВОТ ЭТИ КОЗЛЫ НЕ ПУСКАЮТ МЕНЯ НА ЛЫСУЮ

Босоногий гид с недовольным видом отвёл свою группу в сторону, о чём-то пошептался с экскурсантами, успокоил их и повёл всех за собой назад.

Навстречу им по дороге двигался чернобородый мужчина в чёрном плаще и с саквояжем в руке. Экскурсанты с удивлением поглядели на него.

Щёлк!

БАТЮШКА СОБРАЛСЯ НА ШАБАШ

Появление на дороге человека, похожего на попа, удивило также и бойцов «Барса». Облокотившись на полосатую штангу шлагбаума, они с любопытством поджидали его. Когда инквизитор подошёл к ним вплотную, старший сержант заинтересовался у него:

– И куда это вы направляетесь?

Чернобородый насторожился, но постарался скрыть своё беспокойство безмятежной улыбкой:

– На Лысую Гору... я ведь правильно иду?

– Правильно, – ответил младший сержант и кивнул на щит, подтверждающий местонахождение присутствующих на государственном языке.

– С какой целью сюда пожаловали? – продолжил старший, с подозрением глядя на него.

– Да вот...

Чернобородый раскрыл саквояж и вынул из недр его большой медный крест с распятием и с массивной цепью.

– ...гору хочу эту... очистить от всякой нечисти.

– Давно уже пора, батюшка, – кивнул младший, признав в чернобородом церковного служителя, – а то здесь такое творится. Что-то непонятное.

Батюшка тем временем уже величаво осенял крестом окрестности на все четыре стороны, приговаривая:

– Изыди, *дьявол*, из горы сия! Изыди, *аспид*! Изыди, *бес небесный*! Во имя *отца и сына и святого духа*, аминь.

Поцеловав распятие, дьякон надел цепь с крестом себе на шею.

– А бутылка вам зачем? – с недоверием заметил старший, узрев в саквояже двухлитровую пластиковую бутылку и кропило.

Чернобородый нагнулся и вынул из раскрытого саквояжа кропило.

– А святой водой окропить, бесов изгнать из ведьм. Их ведь много здесь собирается?

– Да сегодня вообще наплыв, – развёл руками младший, – видно, праздник у них... этот...

– Вальпургиева ночь, – подсказал старший.

– Ага... с самого утра уже идут... на шабаш свой собираются, – добавил младший и показал рукой на забор за своей спиной, на котором красовался указатель с надписью «шабаш».

Внезапное ускорение, сдвиг, – и... невядалеке за его спиной проскользнул по траве между кустами *аспид*. Немного погода вверху над деревьями, махнув крыльями, пролетел, как тень, *бес небесный*.

– Чего ж вы их не гоните? – возмутился чернобородый.

– Гоним, да что толку, – пожал плечами старший. – Территория ведь большая. Вот и лезут они во все щели.

– Может, и вас окропить? – предложил чернобородый, легонько встряхивая кропилом.

Длиннополый чёрный плащ при этом слегка раскрылся, и под ним старший сержант узрел край больничной пижамы. *Станный какой-то поп*, подумал он, но не придавал этой детали большого значения.

– Нет, нет, спасибо, – отказался он.

– Проходите, батюшка, проходите, – нетерпеливо махнул рукой младший сержант, заметив, что к ним приближаются две светловолосые девушки в красных юбках и в белых сорочках, – удачи вам в вашем благородном деле.

Оглянувшись, чернобородый также заметил знакомых ведьмочек и поспешил удалиться.

7. Ведьмам вход воспрещён

– О существовании Лысой Горы многие киевляне даже не догадываются, хотя расположена она не так уж и далеко от центра города, – рассказывал гид экскурсантам на обратном пути, спускаясь вместе с ними по Змеиному спуску. – Если кто-то что-то и слышал краем уха о ней, то никогда на ней не бывал. Не мало и таких, кто за всю свою долгую жизнь ни разу туда не выбрался.

Тысячи горожан, включая многочисленных миллионеров, спешащих на свои загородные виллы в Конче-Заспе, ежедневно проносятся мимо неё на машинах по Столичному шоссе, и сотни тысяч жителей Левого берега, ежедневно проезжающих туда и обратно по Южному мосту, постоянно разглядывают её из окна автобуса или вагона метро, но ни у кого даже мысли не возникает там побывать.

А вот в Германии предприимчивые немцы сотворили из своей лысой горы Брокен туристический центр с театрализованными представлениями, рок-концертами, аттракционами и плясками ведьм на помелах вокруг костров.

Они провели на самую высокую гору Гарца не только железную дорогу, но и суперсовременную канатную дорогу. А всё для того, чтобы один раз в году в Вальпургиеву ночь тысячи немцев и многочисленных иностранных туристов смогли приехать сюда и отлично провести время в компании разряженных ведьм и чертей.

На ней до сих пор сохранилась радиотелевизионная вышка с комплексом зданий, в которых ранее располагались разведывательные службы группы советских войск в Германии и службы госбезопасности ГДР.

Наша же не менее знаменитая Лысая Гора долгое время также была запретной зоной и огорожена колючей проволокой. И хотя тридцать лет назад солдаты оттуда ушли, а горе был присвоен статус реликтового заповедника, с тех пор ничего здесь не изменилось, всё осталось в первозданном виде. Только ещё больше пришло в негодность. И может быть, это даже и к лучшему.

Ведь из окультуренного Брокена исчез истинный дух ведьм. Всё стало карнавалом и маскарадом, шоу ряженных ведьм и чертей. Всё стало большим представлением, на котором ежегодно зарабатываются огромные деньги. У нас же до сих пор тишь да гладь, всё пребывает в забвении. Но в этом и есть свой плюс: ведь ведьмы у нас до сих пор настоящие. Как, например, вот эти!

Спускавшиеся с горы экскурсанты с удивлением посмотрели на проходящих мимо двух девушек, некоторые из них даже оглянулись им вслед. На настоящих ведьм те были совсем не похожи. Они выглядели так, словно сбежали с репетиции народного хора, поскольку одеты были в одинаковые белые вышитые сорочки и красные юбки с клетчатыми передниками. Для полного сходства у них не хватало лишь цветочных венков на голове.

– А вы уверены, что это действительно ведьмы? – тихо спросила босоногого гида Лада, фотографируя себя на их фоне.

– Уж поверьте мне. По крайней мере, одна из них точно, – уверенно ответил ей гид.

Щёлк!

УГАДАЙТЕ, КТО ИЗ НАС ВЕДЬМА?

Тем временем, Майя и Жива, держась за руку, подошли к стоявшим перед шлагбаумом двум милиционерам, одетым в пятнистые комбинезоны.

– Это у меня двоится в глазах или вас, действительно, двое? – игриво спросил младший сержант.

– Когда у вас будет двоится в глазах, нас будет четверо, – съязвила Жива.

– А куда это вы, девушки, собрались? – сдерживая улыбку, поинтересовался старший сержант.

– На Девичник, – честно призналась Майя.

– А, может, всё-таки на шабаш? – лукаво подмигнул им старший сержант, не привыкший по службе к честным признаниям.

– Ага, – рассмеялась Жива. – Что-то грустно стало на душе, захотелось слетать на Лысую.

– А почему не на метлах? – поддержал игру младший.

– Мётлы сломались – приходится пешочком, – с улыбкой объяснила Жива.

Старший сержант широко улыбнулся ей в ответ:

– Ну, тогда поворачивайте назад, мы пропускаем только с метлами.

– А без них что, нельзя? – спросила Майя.

– Нельзя, – сбросил старший улыбку с лица, – нечего вам там сегодня делать.

– Мы только прогуляемся, – заканючила Майя.

– Погуляйте где-нибудь в другом месте.

– Я не поняла, – возмутилась Жива, – с каких это пор ведьм перестали пускать на Лысую?

Младший сержант усмехнулся:

– Чего-то вы совсем на них не похожи.

Жива тут же надвинула копну волос себе на правый глаз.

– А так?

– Так вроде похоже, – начал сомневаться младший. – Но всё равно, красавицы, вам там делать нечего. Сегодня вход на гору запрещён.

– Но вы же пропустили вон того? – кивнула Жива на ушедшего далеко вперёд чернородого.

Старший неумолимо покачал головой:

– Тому можно, а вам туда нельзя.

– Ну почему? – недоумевала Майя.

– Там сегодня сборище всяких маньяков, – объяснил младший.

– Так чего ж вы здесь стоите? – рассердилась Жива на бойцов «Барса». – Идите и ловите их.

– Для этого есть «Беркут», – пояснил старший. – А мы стоим здесь, чтобы не пропускать на территорию потенциальных жертв.

– И вообще, сюда вам лучше не соваться, – добавил другой «барс». – Здесь девушки всё время пропадают, причём бесследно.

– Так что идите отсюда подобра-поздорову, – заключил старший сержант.

Двоюродные сёстры с явным неудовольствием отошли в сторону. Одна из них шепнула на ухо другой:

– Я же говорила, пошли другой дорогой.

– Ну кто же знал? Меня всегда здесь раньше пропускали.

– Идём скорей отсюда, – предложила Майя и передёрнула плечами, – а то мне как-то здесь не по себе.

– Ладно, идём, – согласилась Жива.

Взявшись за руки, кузины поспешили вниз той же дорогой, которой и пришли. Жива ничуть не расстроилась от того, что «барсы» не пустили их на Гору. Ведь она знала наверх такие тропки, которые никому не были ведомы, даже милиции.

– А ты что, испугалась этих маньяков? Не бойся, – успокоила кузину Жива. – Чего боишься, то и получишь. Страх имеет свойство материализоваться. Маньяки обычно ходят поодиночке, а нас двое. Как-нибудь прорвёмся.

Майя широко раскрыла глаза:

– Неужели ты их не боишься?

– Это они меня должны бояться, – заверила её Жива. – Помнишь, я рассказывала тебе, что стало с теми придурками в прошлом году?

– Ещё бы! – хихикнула Майя.

Жива её поддержала, и они так звонко обе засмеялись, что это стало слышно даже на посту. Неожиданно из переговорного устройства на груди старшего сержанта сквозь трескотню помех по громкой связи донеслось:

– Тут ещё одно... Из Павловки сегодня псих сбежал... Кадош Георгий... 44 года... отличительная примета – чёрная борода и длинные волосы, стянутые сзади на резинку... вообразает из себя Великого инквизитора... по оперативным данным... якобы собирался к вам сегодня на Лысую.

8. Безумный инквизитор

Кадош Георгий Викторович, бывший священнослужитель, имея чин дьякона и имя отца Егория, данное ему в честь святого Георгия Победоносца, был исключён из духовного ведомства за то, что в душевном помрачении дерзнул совершить богослужение вне Свято-Ильинской церкви², в которой он служил, но в церковном облачении. Более того, самолично причислил себя к священным инквизиторам, коих православие никогда не признавало.

Безумный инквизитор был задержан на Михайловской площади за то, что прилюдно сжигал на костре многочисленные детские книжки о драконах и ящерах, полное собрание сочинений об очкастом мальчике-маге, а также знаменитую сумеречную сагу о волке-оборотне и вампире-вегетарианце.

– За что? – кричал он представителям закона в то время, когда те, заламывая ему руки, усаживали его в милицейский фургон. – Это же всё еретическая литература! Не меня надо хватать, а тех, кто это издаёт! Мы – священная инквизиция, поэтому как боролись с ересью, так и будем с ней бороться! Люди! Не читайте книг и газет! Не смотрите телевизор! Не пяльтесь в монитор. Весь интернет и все телеканалы в руках сатаны! Именно оттуда смотрит на вас всевидящее око антихриста!

Внезапная перемотка назад, сдвиг, – и... милицейское видео показывает при просмотре, как он, разрывая надвое глянцевые обложки и подкидывая в огонь очередные страницы, вызвал к собравшимся вокруг него прохожим:

– Это вам не наивные детские книжечки, это самое настоящее чернокнижие! Через них в души ваших детей вливаются идеи зла и сатанизма! Да сгорят они в адском пламени! Эти книжечки учат тому, что якобы благодаря колдовству и прочим «волшебствам» можно достичь каких-то благих целей. Но это не так. Это обман и лукавая подмена: за красивой глянцевой обложкой скрывается духовная отравка. А чему могут научить вот эти книги... о вампирах и оборотнях? Или эти... о драконах, ящерах и змеях? Только одному! Человечество готовят к приходу антихриста! Этого нельзя допускать! Видите, как хорошо они горят? И это только начало!

Поначалу отца Егория отвезли в ближайшее отделение милиции, где ему было предъявлено обвинение в мелком хулиганстве и предложено было заплатить штраф в размере месячного оклада участкового милиционера. Вместо этого он в ярости разорвал свои чётки, оказавшиеся на самом деле ниткой чёрных пластмассовых бус, и стал метать их под ноги участковых.

На вопрос, что он делает, Кадош Георгий Викторович, 1966 года рождения, безработный, но по совместительству временно исполняющий обязанности священного инквизитора, ответил, что он мечет бисер перед свиньями.

На вопрос, где он видит в отделении милиции свиней, отец Егорий ответил, «а разве вы их не видите?», после чего был отправлен в Павловскую психбольницу для прохождения психиатрической экспертизы.

В приёмном отделении на стандартный вопрос дежурной медсестры, заполнявшей медицинскую карточку, как его зовут, он ответил: временно исполняющий обязанности священного инквизитора. На разъяснение медсестры, что это должность, а не имя, он ответил, что его зовут отец Егорий. На замечание медсестры, что ей нужна полная фамилия, имя и отчество, он пояснил, что священному инквизитору полная Ф.И.О. не полагается.

После детального медицинского осмотра и психиатрического освидетельствования дежурный врач заверил милицию, что это их пациент, поскольку неадекватное поведение и

² Первый православный храм, построенный на месте капища Белеса в излучье рек Днепра и Почайны, где произошло первое крещение киевлян. Одна из фресок в левом приделе изображает распятого на кресте змея Белеса.

явно агрессивное выражение бредовых идей является одним из признаков вялотекущей шизофрении. Кроме того, в их полку наполеонов, фараонов и прочих исторических личностей не хватает только священного инквизитора.

– А галлюцинации у вас бывают, батенька? – напоследок спросил психиатр дьякона.

– Нет, – коротко ответил тот.

– Будут, – так же коротко заверил его врач.

О. Егорий был тут же облачён в больничную пижаму и препровождён в палату, где к удивлению медперсонала совершенно не возмущался своим поселением, и вёл себя настолько тихо и смиренно, что даже не потребовалась смирительная рубашка.

В палате для безмятежных больных, рассчитанной на восемь коек, из которых семь уже было занято, он почувствовал себя, как рыба в воде, и сходу принялся проповедовать, усевшись на своей кровати:

– Они захватили нас. Они захватили вас так же, как и меня. И упрятали сюда несмотря на свободу слова и Женевскую конвенцию о правах человека. Им всё позволено. Они не боятся бога. Они завладели умами наших правителей и полностью подчинили себе разум людей, превратив их в зомби. Люди перестали думать, люди стали только пить, жрать, потреблять и удовлетворять свою ненасытную похоть.

Подойдя к соседу справа, державшего в одной руке замусоленный журнал «Плейбой» и одновременно удовлетворявшего себя под простыней, отец Егорий наложил руку ему на плечо и назидательно произнёс:

– *Не блуди*. За ушами этого зайчика проглядывают рога дьявола. Вся порнография принадлежит только ему.

Но тот и не подумал прекращать своё занятие.

Сидящий напротив него старичок так прочувствовался его наставлениями, что даже всплакнул от умиления, утирая одной рукой слёзы, а другой рукой – сопли. Отец Егорий погладил его по голове:

– *Не унывай*.

Но тот в ответ ещё сильнее зарыдал.

Егорий подошёл к следующему больному, добродушному толстяку, беспрерывно лущающему семечки, и покачал головой:

– *Не потакай чреву своему*.

Но и тот не послушал его. Выплюнув шелуху на пол, он тут же вновь сунул в рот очередную семечку.

Четвёртый, маленький и плюгавенький, как чёрт из табакерки, выскочил из своей постели и яростно накинулся на о. Егория:

– Да кто ты такой, чтоб здесь выступать? Ты спросил у меня? – толкнул он его в грудь, – ты меня спросил?

– А ты кто такой? – удивился прыти прыща священный инквизитор.

– Иван, – представился низкорослый и напыщенно добавил, – Грозный!

– *Уйми гордыню* свою, царь! – хорошенько встряхнул его Егорий и поставил на место. – А не то я задушу тебя так же, как ты своего сына.

Иван Грозный, вне себя от злобы и унижения, ни слова больше не говоря, выскочил за дверь.

– Так его! Уже задолбал тут всех, – пожаловался на Грозного его сосед, интеллигентный мужчина в старомодных очках. – Какой вы молодец! – заискивающе поглядел он на о. Егория. – Такой большой и сильный. Хорошо, что есть люди, которые могут поставить выскочку на место. Вы, судя по разговору, прокурор?

– Нет, я священник.

– Вы знаете, батюшка, я тоже когда-то мечтал стать священником. Чтобы наставлять людей на путь истинный. Как я завидую вам и вашему благородному труду.

– *Не надо завидовать* мне, – улыбнулся ему инквизитор, – я ведь состою в священной инквизиции, и работа моя зачастую бывает не такой уж и благородной.

Тем временем, во втором ряду вспыхнула ссора.

– Дай поиграть! – требовал лысый дядька в майке и в трениках у молодого парня в шортах и в футболке с надписью «play games, watch TV and think of nothing», который держал в руках планшет.

– Не дам, – отмахивался от него усиленно жующий при этом жвачку парень.

– Дай, я сказал! – замахнулся дядька в гневе на него.

– *Не гневись*, – вовремя отвёл о. Егорий дядькину руку, а парню посоветовал, – а ты *не будь жадной* и дай ему поиграть.

– Не дам, это мой планшет.

– Он целый день только и делает, гад, – пожаловался дядька на парня, – что играет в свои игры.

– Не играй в свои игры, – пожурил его инквизитор.

– А что ж мне тогда делать? – возмутился парень.

– Думай! – просто ответил инквизитор.

– Пойду я тогда в фойе – телевизор посмотрю, – решил лысый дядька, – там как раз новости начинаются.

– Смотреть новости – это грех, – покачал головой инквизитор. – Все беды в мире – от новостей. Всё зло исходит от телеведущих. Своими языками они обманывают вас. На их губах – яд, а рты их полны желчи.

В это время раскрылись двери, и в них влетел Иван Грозный. За ним прошествовал медбрат со шприцом и с ампулой в руках и внушительным голосом приказал о. Егорию лечь в постель и задрать пижаму для профилактической инъекции.

Священный инквизитор с лёгкостью согласился на инъекцию, но в последний момент, когда медбрат уже разламывал ампулу надвое, он неожиданно схватил шприц с тумбочки и со всей силы полностью всадил иглу ему в ягодицу, произнеся сакраментальную фразу «врачу, исцелися сам».

Воспользовавшись замешательством, о. Егорий выскочил из палаты, позвал на помощь орущему медбрату двоих санитаров, дежуривших на посту, и, смешавшись с посетителями, покинул пределы больницы незамеченным.

На следующее утро, накинув поверх больничной пижамы длиннополый чёрный плащ и захватив с собой походный чёрный саквояж, поп-расстрига отправился напрямик на Лысую.

9. Семь смертных добродетелей

– Где же твой барыга? – спросил О`Димон, откровенно заскучав.

Димон-А неуверенно ответил:

– Мы договорились на двенадцать.

– А сейчас сколько?

Димон-А глянул на часы.

– Без пяти.

Внимание О`Димона привлёк странный рисунок на подпорной стене – намалёванный белой краской полукруг с лучами, изображавший по всей видимости восходящее или заходящее солнце. Внутри полукруга был нарисован глаз с вертикальным зрачком, ниже написана римская цифра VII, а ещё ниже – «Приди и Узри».

– Ни черта себе, – опешил он.

– Чем-то похоже на Всевидящий глаз, – предположил Димон-А.

– Я бы не сказал, – покачал головой О`Димон. – Во-первых, где ты тут видишь треугольник? А во-вторых, зрачок. Это не глаз человека.

– А чей глаз?

– Походу змеи или кошки. Короче, какого-то зверя.

– А причём тут зверь?

– А чёрт его знает? – пожал плечами Димон-А и усмехнулся, – наверно, для того, чтобы ты знал: он здесь, и он наблюдает за тобой.

– «Приди и Узри», – вслух прочитал надпись на стене О`Димон. – И куда ж нам смотреть? На солнце, что ли? Или на луну?

– Какая разница куда? Тут главное, смотреть в оба.

Упёршись подбородком в ладонь, О`Димон задумался.

– Что же тогда означает семёрка?

– Ну, принимая во внимание то, куда мы с тобой идём... походу, это семь смертных грехов.

– Это какие же?

Димон-А неуверенно стал перечислять:

– Гордыня, м-м-м, жадность, зависть, гнев... э-э-э..., похоть, уныние и... чревоугодие.

Перечисление смертных грехов привело О`Димона в явный восторг:

– Ну, тогда тебя бесы точно туда заберут, – радостно заверил он приятеля.

– За что ещё? – не понял тот.

– За то, что жрёшь много. За твоё *чревоугодие*.

– А-а, это точно, – с довольным видом погладил свой пивной живот Димон-А. – Но особо не радуйся по этому поводу. Поскольку ты тоже там окажешься.

– А я-то за что?

– За своё *уныние*.

О`Димон печально вздохнул.

– Да, ладно, не парься, брат, – с широкой ухмылкой обнадёжил его Димон-А, – в наше время все смертные грехи уже стали добродетелями.

– А что же стало с самими добродетелями?

– Делать добро сейчас считается грехом.

– Да ладно. А как же тогда вера, надежда, любовь?

– Верить никому сейчас нельзя. Надеяться больше не на что. А любовь давно уже заменили порнухой.

– Ещё что?

- Были ещё такие понятия, как щедрость...
- Ну ты даёшь! – засмеялся О`Димон.
- Умеренность, – продолжил перечислять Димон-А.
- Ага-ага, умеренное употребление спиртных напитков, – О`Димона пробило на ржач.
- И ещё целомудрие.
- Ты что, вообще? Ха. Какое целомудрие? Ты где слова такие выискал? Ой, не могу!

Целомудрие. Это что, была такая добродетель? Что за бред, вообще? Так ведь можно всю жизнь девственником прожить.

– А что тут такого? Я, например, до сих пор ещё девственник, – чистосердечно признался Димон-А.

- Ты? До сих пор? – удивился О`Димон, – как это?
- Да так, – замялся Димон-А.
- Что, тёлки не дают? – догадался О`Димон. – Или рукам волю даёшь?

Димон-А глубоко вздохнул и ничего не ответил. О`Димон усмехнулся, а затем вдруг залился нескончаемым хохотом, словно кто-то невидимый защекотал его под мышками. Этим невидимым явно был *похотливый бес*.

- Чего ты ржёшь? – возмутился Димон-А.
- Самое смешное... ой, не могу... что я ведь... прикинь... тоже...
- Что, тоже... девственник? – изумился Димон-А. – Или тоже дрочишь?

10. Херувим и аспид

– Слышите? Этот безудержный смех? – прислушался гид. – Так громко смеяться в самом жутком месте на земле могут позволить себе лишь отчаявшиеся люди, невинные девственницы или безрассудные юнцы под воздействием травы.

Эти ребята, видимо, не вполне понимают, куда они попали. Ведь Лысая Гора – это настоящая обитель потусторонних сил. Паранормальная активность здесь превышает все допустимые уровни. Время здесь не идёт, а бежит или стоит на месте. Здесь – иная реальность.

На первый взгляд, это обычный заброшенный парк. Но что-то в его атмосфере сквозит такое, что заставляет сердце сжиматься в тревожном ожидании.

Чувствуете? Видимо, в прошлом здесь случилось что-то ужасное, и сейчас эта жуть так и витает в воздухе.

Когда вы гуляете по Горе, то отчётливо можете почувствовать здесь чьё-то незримое присутствие. Кто-то неотступно следует за вами, кто-то неотрывно следит за каждым вашим движением.

То ли это морок, то ли это леший, то ли страж горы, то ли сонмы духов казнённых и погребённых здесь преступников, не говоря уже о колдунах, ведьмах и прочих тёмных личностях в балахонах с капюшонами, которые встречаются на Лысой чуть ли не на каждом шагу.

А иногда, вернее, два раза в году, в ноябрьский и в майский канун здесь появляются иные.

Вот почему простой народ обходит это место десятой дорогой. Ну, какой же нормальный человек в ясном уме и в доброй памяти потащится на Лысую Гору, овеянную такой дурной славой, кроме нас с вами?

Да, здесь, реально, бывает порой страшно.

Но в действительности, жизнь за пределами Лысой Горы сейчас гораздо страшнее. Многие люди даже не подозревают, что только здесь и можно уберечься от тех опасностей, которые подстерегают их в городе. И на самом деле, это единственное место на земле, где ещё можно спастись, – завершил свою речь босоногий гид.

– Ну и умеете же вы нагнать страху, – заметила Владислава, – и так длинно рассказывать всё.

– Это точно, – согласился с ней гид, – язык у меня длинный. Так и есть.

Вдоволь нахохотавшись, О`Димон неожиданно вновь впал в уныние:

– Ну и где его черти носят? Который час?

Взглянув на дисплей мобильного телефона, Димон-А выдохнул:

– Самый полдень.

– Ни фиги себе! – удивился О`Димон. – Пять минут всего прошло, а такое впечатление, что... целый час.

Он огляделся по сторонам, но вокруг не было ни души: ни выше по дороге, ни ниже. Он даже зачем-то поднял глаза вверх, и тут на лоб ему капнуло что-то липкое. Сморщив нос, О`Димон брезгливо вытерся ладонью и вновь запрокинул голову: прямо над ним на высокой ветке голого, до сих пор ещё не покрытого зеленью дуба вниз головой висело что-то похожее на летучую мышь.

– Кыш отсюда! – махнул он на неё рукой.

Расправив крылья, летучая мышь в тот же миг сорвалась с ветки и, по дёрганой траектории облетев вокруг дуба, скрылась за деревьями.

– Прицельно, – усмехнулся Димон-А, – ладно бы тебя так голубь пометил или какая-нибудь ворона, а то – мышь.

– А разве от них бывает такое дерьмо? – с недоумением уставился О`Димон на свою ладонь, на которой остался прозрачный клейкий радужный след, похожий на радужные разводы в луже от пролитого бензина.

– Не знаю, – пожал плечами Димон-А, – может, и бывает.

В этот момент его щёку украсила подобная же радужная капля, прилетевшая с небес, зловонная и желеобразная.

– Что за чёрт! – негодуя воскликнул он.

Сморщив нос от нестерпимой вони, он вытер щёку тыльной стороной ладони и тут же глянул наверх. Странно, но на дереве, полностью лишённом листьев, среди голых веток ничего не просматривалось: ни летучей мыши, ни вороны, ни голубя, ни какой-либо другой птицы.

Он предусмотрительно отошёл на шаг в сторону, и в ту же секунду на то самое место, где он только что стоял, шлёпнулась увесистая клякса радужного дерьма, обдавшего его и стоявшего рядом О`Димона нестерпимым зловонием.

– Срань господня! – заорал Димон-А.

– Откуда всё это? – воскликнул О`Димон.

На всякий случай, они отошли ещё дальше от дуба, от его нависшей над дорогой ветвистой кроны, в которой сквозило голубое небо. Неожиданно они увидели в вышине над собой воздушного змея. Чем-то похожий на китайского дракона, он слегка повиливал на ветру своим длинным чёрным хвостом. Только вот нити, удерживающей его, почему-то видно не было. Воздушный змей словно парил сам по себе.

Приглядевшись, они заметили, что дракона поддерживают в воздухе две пары прозрачных крыльев, и на самом деле это никакой не летучий змей, а гигантская стрекоза³.

В подтверждение этого предположения, стрекоза неожиданно дёрнулась в сторону и исчезла из поля их зрения.

Спустя несколько секунд она явилась вновь, но в ином виде. Вместо неё над дорогой теперь парило существо, больше похожее на птеродактиля с тёмными крыльями.

Неожиданно летучий ящер резко спланировал вниз. Спускаясь с небес, он с каждой секундой увеличивался в размерах. Перед приземлением длиннохвостый птерозавр с зубастым клювом и соразмерным ему костным гребнем, отведённым назад, шумно замахал перепончатыми крыльями и опустился на задние лапы.

Увидев перед собой двух обезумевших от ужаса парней, птерозавр тут же исправил ошибку и явил им иной, более очеловеченный образ своего величия. Крылатый ящер превратился в очень похожее на человека существо, только с четырьмя перепончатыми крыльями, расставленными в стороны, как у стрекозы.

Вид у него был свирепый. Пасть напоминало собачью, но глаза, уши и щеки вполне были человеческими. Особенно выделялись надбровные дуги, имевшие вид приплюснутых рогов. Вместо передних лап у него образовались руки, а вот задние лапы так и остались трёхпалыми с острыми когтями.

Опустив левую руку вниз, небесный змей поднял правую руку, словно приветствуя парней, и застыл в недоумении, не понимая, отчего у парней такой перепуганный вид.

На голой груди его поблёскивала толстая, в палец толщиной, золотая цепь, на которой покачивалась золотая подвеска в виде треугольника, обращённого острым углом вверх. Хвост у него был суставчатым, как у скорпиона, с острым жалом, а вместо члена торчала змейка, поднявшаяся, как кобра.

– Ну и тварь! – прошептал О`Димон.

³ Видимо, англичане не зря называли это существо *dragonfly*.

И тут рептилоид совершил нечто невообразимое: опустив правую руку, он посмотрел на неё с таким видом, словно на ней были часы. Димоны с изумлением увидели, что на ней, действительно, были часы, чем-то похожие на браслет.

Тварь постучала по циферблату указательным пальцем левой руки, словно проверяя, работают ли часы, и в следующее мгновение её свирепая собачья морда сменилась на симпатичное лицо человека с кудрявыми рыжими волосами ниже плеч и с кучерявой рыжей бородой, оформленной прямоугольно.

Хвост исчез, змейка спряталась под похожей на килт юбкой, а голый торс прикрылся наброшенной на плечи накидкой. Мочку его правого уха оттянула серьга – золотой крестик с серебряным кольцом, а голову его увенчал колпак, похожий на чалму.

Внешним видом он чем-то напоминал архангела, который распростёр свои чёрные с позолотой крылья над Майданом.

Правда, у этого архангела имелось не два, а четыре крыла, что в небесной иерархии соответствовало чину херувима. Заметив оплошность, херувим тут же сложил первую пару крыл перед собой, вторую пару – за спиной, и в результате оказался полностью прикрытым ими, словно кожаным плащом.

Выпростав из-под прорези накидки руку, кудрявый красавчик по-свойски протянул её Димонам и представился, прожужжав нечто невразумительное на манер стрекозы:

– Лиахим.

– Дима, – протянул ему руку Димон-А.

Пожимая руку и удерживая её дольше обычного, херувим незаметно надавил подушечкой своего большого пальца на третий сустав его указательного пальца.

– Дима, – протянул ему руку О`Димон.

Небесный бес пожал ему руку тем же тайным способом и также представился ему, растянув улыбку до самых ушей:

– Лиахим.

– Лиахим? – переспросил его О`Димон, знающий, что подобные господа, обычно, и пишут всё не так, как все, и произносят всё наоборот.

– Ну, вообще-то... м-м-м... если вам так удобно, можете называть меня Михаил, – чуть убавил он широту улыбки.

Оба Димона также улыбнулись ему в ответ, не зная, что ещё сказать. Они прекрасно понимали, что означало это рукопожатие. Тайный знак сообщал им, что это был свой человек, и ему можно было доверять, несмотря на то, что прикрыт он был чёрным плащом из четырёх крыл.

Предполагая всё же, что крылья эти им привиделись и, что, скорей всего, это обман зрения в результате воскурения травы, они как бы невзначай попытались заглянуть бородатому и длинноволосому красавчику за плечи. *Может, там они видны?*

Поняв их намерение, Лиахим вновь растянул улыбку до ушей. Словно прочитав их мысли, он отрицательно покачал своей рыжей бородой. Его обескураживающая улыбка вмиг убрала оставшуюся неловкость. Димонам стало казаться, что они уже знают его целую вечность.

– А у вас какой уровень, Михаил... тридцать третий? – поинтересовался у него О`Димон.

– Бери выше, – картаво произнёс он.

– Шестьдесят шестой?

– Ещё выше, – с улыбкой покачал головой Лиахим.

– Неужели сто тридцать второй? – удивился Димон-А, поднявшись недавно вместе с приятелем лишь на первую ступеньку тайной и могущественной пирамиды.

В ответ рыжеволосый красавчик лишь усмехнулся, с шумом выпустив благоухание своего дыхания сквозь ноздри, и повёл правой рукой. Парни обратили внимание, что на руке его

красовался янтарный браслет, чем-то похожий на часы. Циферблат был круглым, и в нём по окружности располагались двенадцать бугорков. Стрелок не было, вместо них располагался срединный бугорок.

– Что, ещё выше? – с недоумением посмотрел на него Димон-А.

Лиахим кивнул ему и, не желая дальше развивать эту тему, перескочил на другую:

– Вы, видимо, ждёте Дэна?

– Да, – признался Димон-А.

– Дэн! – тут же позвал кого-то Лиахим и, коснувшись пальцем срединного бугорка на циферблате, повернулся к дубу лицом, а к ним спиной.

К удивлению Димонов за спиной херувима не было видно крыльев. Коричневый кожаный плащ с длинным разрезом сзади и с двумя разрезами по бокам плотно облегал его плечи.

Правда, на плечах его находилась теперь совсем иная голова. Это была огромная кудлатая львиная морда, раскрывшая пасть, словно на логотипе кинокомпании «Метро-Голдвин-Майер», и прорывавшая вслед за этим:

– Нэд!

Львиноголовый херувим аки Михаил Львов нетерпеливо топнул ногой. То, что курильщики травы увидели затем, привело их в ещё большее изумление. Из-под корней дуба выползла чёрная, землистая, похожая на аспид, змея. Она была такая огромная, что казалась втрое шире удава, и такая длинная, что шесть с половиной раз обвила метровое в диаметре дерево.

Поднявшись таким образом над землёй, *ползучий змей* лукаво выглянул из-за ствола. Изогнув туловище своё в форме двойки, точно так, как на фреске Васнецова «Страшный суд», пугающей всех прихожан во Владимирском соборе, голова змея раздулась вдруг до размеров человеческой головы.

Щелевидные зрачки его при этом сплющились от напряжения. Не раскрывая рта, он выстрелил далеко вперёд длинный, раздвоенный на конце язык и хитро повёл головой, как бы показывая этим, что одурачить публику ему, раз плюнуть.

– Дани-ил! – как бы с укоризной попенял ему херувим.

В очередной раз коснувшись циферблата своего браслета, он вновь топнул ногой, при этом львиная его голова сменилась на орлиную.

Раскрыв клюв, птицеголовый Михаил Орлов заклекотал:

– Ли-инад!

Вильнув кончиком хвоста, аспид тут же исчез за деревом, но через секунду появился вновь, правда, уже в *ином* виде, заменив своё змеиное туловище на человеческий торс, причём почему-то с женской грудью. Но, видимо, что-то у него там не сработало, поскольку голова его осталась прежней – змеиной.

Вид человека со змеиной головой на плечах и с женской грудью привёл Димонов в такое недоумение, что те в ужасе подались назад.

– Даниэла! – вновь недовольно укорил его Лиахим.

Но тот словно не слышал его.

– Вот глухой! Ну, сколько можно топать! – недовольно заорал на него херувим.

Ещё раз постучав пальцем по циферблату браслета, он в третий раз топнул ногой, при этом птичья голова у него исчезла, а на её месте выросла рогатая морда быка, исполненного очей.

Херувим в ипостаси Михаила Быкова замычал своё:

– Алэ-ин-ад!

– Shit! – заметив оплошность, по-английски произнёс аспид, и голова его прямо на глазах у Димонов превратилась в человеческую голову, а женская грудь прикрылась пиджаком из змеиной кожи. При этом лицо его стало похожим на лицо, хорошо известное Димону-А и принадлежавшее знакомому барыге – темнокожему Дэну.

Правда, сейчас оно вместо темно-коричневого стало почему-то совсем чёрным. Глаза же были плотно закрыты солнцезащитными очками. На правой руке у него также красовался похожий янтарный браслет с круглым циферблатом.

– Дэн? – удивился ему Димон-А.

– Дэн, Дэн, – кивнул ему барыга с налысо бритой головой, огромными пухлыми губами, с узкими плечами и уродливо длинной шеей. Кроме стильного пиджака из змеиной кожи на нём были надеты тёмно-зелёные кожаные штаны.

На груди Дэна поблёскивала толстая, в палец толщиной, золотая цепь, на которой покачивалась золотая подвеска в виде треугольника, обращённого острым углом вниз. В сам треугольник были вписаны две буквы S.

Приветливо улынувшись, он подошёл к Димону-А, как к старому знакомому. Приставив ногу к его ноге и прикоснувшись коленом к его колену, Дэн прижался грудью к его груди и, похлопав рукой по его спине, прошептал ему в ухо:

– Серпенты принёс?

– Принёс, – ответил Димон-А и достал свёрнутую в трубку и стянутую резинкой толстую пачку зелёных купюр.

Сняв резинку, Дэн развернул веером целую кипу однодолларовых банкнот. Мигом их пересчитав, он на всякий случай одну из них выхватил, чтобы посмотреть на свет сквозь всевидящий глаз на вершине усечённой пирамиды.

Внезапная вспышка света пронизала купюру, шириной в 66,6 мм, и в ней проступил водяной знак в виде змеи, изогнутой, как буква S, и перечёркнутой двумя параллельными линиями.

Вновь стянув резинкой пачку, Дэн спрятал её в левый карман пиджака, надетого на голое тело, а затем вынул что-то из правого кармана и раскрыл кулак: на светло-зелёной ладони лежали два сплюснутых, похожих на тёмно-зелёные пуговицы, высохших бутона.

– А это что? – удивился Димон-А.

– Кактусы.

– Какие ещё кактусы?

– Такие себе маленькие, лишённые колючек, мексиканские кактусы, – ответил он и, не раскрывая рта, вдруг на одно мгновение высунул язык, довольно длинный, но уже без раздвоения на конце и больше похожий на человеческий. Высунул и тут же спрятал, как это обычно делают все змеи. Видно, не до конца ещё избавился от дурной привычки. – Но, если их пожевать, – продолжил он, – мало не покажется.

Димон-А с недоумением посмотрел на Дэна.

– Я же заказывал другое.

– Ш-ш-ш, – прошипел он, – это оно и есть. Только в натуральном виде.

Даже разговаривая, Дэн держал голову неподвижно, и казалось, что за чёрными очками скрывается такой же чёрный застывший немигающий взгляд.

Лиахим всё это время почему-то скрывался за спинами парней. Его незримое присутствие сильно напрягало их. Непонятно было, что он там замыслил. Не так был страшен многоликий, как то, что он находился вне зоны их зрения.

Чувствуя неладное, то один, то другой пытался, как бы невзначай, обернуться, но ни одному, ни другому не удавалось это сделать. Они явно были скованны волей того, кто скрывался за их спинами.

– Не беспокойтесь, – поспешил их успокоить херувим, – *своим* людям мы туфту не предлагаем.

Димон-А взял тёмно-зелёные бутоны в свою руку.

– Я такие уже разок пробовал, – припомнил О`Димон.

– Такие, между прочим, не просто достать, – сказал Дэн. – Их запрещено... ш-ш-ш, – вновь зашипел он, показав язык, – выращивать даже в Мексике.

– Почему?

– Потому что... ш-ш-ш... они дают просветление.

– Что, правда?

Димон-А раскрыл ладонь и по-новому посмотрел на высушенные кактусы. Неожиданно херувим вышел из-за его спины. На плечах у него вновь присутствовала прежняя человеческая голова с кучерявыми волосами и рыжей бородой.

– Эти кактусы *так* пробуждают сознание... что в какой-то момент вас озаряет. И вы начинаете видеть такое, – завёл Лиахим глаза кверху.

– Что именно?

– То, что скрыто от всех, – добавил Лиахим. – То, что никто не видит... ну, за исключением шаманов, колдунов, ведьм и прочих ясновидящих....

– Во, клёво! – обрадовался Димон-А.

– Только помни, – предупредил его херувим, – трип будет очень серьёзным.

– Ну, мне не в первой, – усмехнулся Димон-А.

– Более того, очень опасным, – добавил Лиахим.

– Я обожаю *опасные* психоделические путешествия.

Следующие слова, произнесённые херувимом, прозвучали более весомо:

– На этот раз ты увидишь апокалипсис.

– Апокалипсис? – испуганно переспросил Димон-А.

– Не пугайся, брат, – вновь улыбнулся ему Лиахим, произнося звук «р» так же гортанно, как француз, и так же грассированно, как немец. – На самом деле, апокалипсис в переводе с греческого означает откровение. Другими словами, открытие сокровенного. Иначе говоря, разоблачение, снятие покрова, раскрытие тайны. Того, о чём нельзя знать, и о чём вы забудете, как только действие этих кактусов прекратится.

– Значит это не смертельно?

– Ну, – замялся Лиахим, – многих это разоблачение приводит в шок. Ведь у людей словно спадает пелена с глаз и наступает прозрение.

Обнадёженный ответом, Димон-А повернулся к приятелю.

– И у тебя тоже наступило прозрение?

– Ага, – кивнул ему О`Димон.

– Ну и как?

– Деталей уже не помню, но было прикольно, что-то вроде светопредставления. Только я вряд ли пережил бы его, если бы не следовал указаниям своего мастера.

Как бы подтверждая его слова, Дэн поднял вверх указательный палец.

– Короче... ш-ш-ш... запомните одну вещь. Как только вы их примете внутрь, вы станете видеть. Но не бойтесь того, что вы увидите! Если испугаетесь – вы пропали. Зарубите себе на носу – эти видения не приходят извне. Они находятся внутри вас. Не трогайте их, и они не тронут вас.

Димоны согласно закивали головами.

– И ещё одно, – добавил Дэн. – Что бы они вам не предложили, от всего отказывайтесь. Хорошо-ш-шо? – вновь выстрелил вперёд он свой длинный язык.

– Хорошо, – вновь кивнули оба парня.

– Ладно, Дэн, погнали, – поторопил его Лиахим, – у нас ещё куча дел.

Выпростав из-под плаща два перепончатых крыла, небесный бес взмахнул ими и, поднявшись в воздух, завис над парнями, подмахивая перед собой другой парой крыл. Голова его вновь превратилась в голову ящера с длинным клювом и с высоким гребнем на голове, отведённым назад.

Одновременно Дэн трансформировал нижнюю часть туловища в привычное для себя тело змеи, оставив при этом верхнюю часть туловища неизменной. Лишённый ног, он уменьшился в росте вдвое. В одно мгновение превратившись из громадного верзилы в бритоголового чёрного карлика с длинным хвостом, он змеевидно заскользил вверх по склону. Приподняв торс над землёй и выгнув спину, аспид чем-то напоминал ладью, плывущую по траве. Резко взмахнув крыльями и набрав высоту, херувим устремился вслед за ним.

Внезапное ускорение, сдвиг, – и... оба рептилоида, змей летучий и змей ползучий, в один миг переместились на вершину холма. Херувим взвился над деревьями и вскоре пропал из виду. Аспид, перед тем, как исчезнуть, обернулся и прощально помахал парням рукой.

11. Зоя

За сто метров вправо от того места, где скрылись *херувим и аспид*, за гребнем холма, на небольшой солнечной полянке, свободной от деревьев и сплошь усыпанной жёлтыми одуванчиками, девочка лет тринадцати в белом платье срывала и собирала в букет первые в этом году цветы. Их мохнатые, похожие на маленькие солнышки, головки очень живописно смотрелись на пышной зелёной траве. Светлые волосы девочки были заплетены в длинную косичку.

Неподалёку, на краю лужайки, сидела на траве очень похожая на неё русоволосая женщина лет тридцати пяти, одетая в красный сарафан до колен и в белую сорочку. По всей видимости, это была мать девочки, и занята она была плетением для дочки ещё одной косички – веночка из одуванчиков. Сидела она под высокой ветвистой сосной неподалёку от огромного куста буйно цветущей бузины, от которого доносился резкий неприятный запах.

– Зоя, выбирай подлиннее, – укоризненно сказала она дочке, – а то сложно плести.

– Хорошо, – ответила Зоя, срывая на этот раз очередной стебелёк под самый корешок.

Зоя заканчивала в этом году седьмой класс и была очень пытливой и смыслёной ученицей. Она любила задавать такие вопросы, на которые не могли ответить ни мама, ни бабушка, ни учителя в школе, поэтому, спрашивая, она сама себе тут же и отвечала.

– Не пойму я, – пожалала она плечами, глядя на цветок, – и почему они называли его *зубом льва*?

– Кто они? – спросила мама.

– Немцы и англичане. И где они увидели здесь львиный зуб? То ли дело по-русски – одуванчик. Сразу понимаешь, что на него надо подуть. Или ещё лучше по-украински – кульбаба. Сразу представляешь себе круглую и седую бабушку-одуванчик.

– Как наша Веда? – улыбнулась мама.

– Ага, – кивнула Зоя.

Она увидела невдалеке яму, недавно вырытую и оформленную прямоугольно, словно для укладки гроба. Чуть поодаль находилась ещё одна.

– Откуда здесь столько ям? – с недоумением спросила она. – Это что, раскопанные могилы?

– Это не могилы, – покачала головой мама. – Эти ямы вырыли кладоискатели. Наверно, они считают, что на Лысой полно кладов.

– И что, они что-то находят?

– Бывает, и находят. Но только не клады. Ведь мы находимся с тобой на Заколдованной поляне, а называли её так потому, что именно здесь люди почему-то постоянно что-то теряют: то часы, то кольца, то золотые серёжки. Поэтому и зачастили в последнее время сюда парни с металлоискателями.

– Понятно, – кивнула Зоя и внимательно посмотрела на маму, – а почему ты надела сегодня красный сарафан, разве сегодня праздник?

– А то ты забыла, какой сегодня день? – усмехнулась мама.

– Ах, да! – хлопнула себя по голове Зоя. – Сегодня ж Навий день. Твои именины.

– Вспомнила-таки, – улыбнулась мама.

– Ну и странное же имечко дала тебе бабушка. Навка – ведь это значит покойница. Почему она тебя так назвала?

– Я ведь и была покойницей, как только родилась. Врачи долго не могли меня оживить. После десяти минут реанимации они перестали это делать... Бабушка твоя, умоляя, со слезами на глазах, упростила врачей поддержать мертворождённое дитя. Я уже была холодной, и она отчаянно хотела меня согреть. Она столько лет пыталась завести детей, и вот на тебе такое

горе. Вот тогда она и дала мне это имя. Навка, Навка, приговаривала она, прижимая меня к себе. И вдруг я открыла глаза и задышала. С тех пор мать меня по-другому и не называла.

– А меня почему ты назвала Зоей?

– Потому что ты была такой живой, когда родилась, так заливалась радостным криком, что мне ничего не оставалось, как назвать тебя Зоей, то есть Жизнью.

В это время откуда-то сверху раздался волшебный звонкий голосок: «*сви-ри, сви-ри, сви-ри*». Пела какая-то птичка. Она пела с таким восторгом и радостью, словно само пение приносило ей упоение. Зоя запрокинула голову вверх, но никого на ветках высокого граба, покрытого первой зеленью, не увидела.

– Это кто, свиристель?

– Ну что ты, – ответила мама, – свиристели уже улетели.

Невидимая птичка тут же выдала другое коленце: «*уи-тѣ, уи-тѣ, уи-тѣ*».

– Тогда, может, щегол?

Мама покачала головой:

– А щеглы ещё не прилетели.

За вторым коленцем последовало третье: «*тир-ли! тир-ли! тир-ли!*».

– Иволга? – тут же спросила Зоя.

Мама не успела качнуть головой, как невидимая птичка будто в насмешку выдала очередное коленце: «*динѣ-дилинѣ! динѣ-дилинѣ!*». Она словно копировала всех птиц сразу.

– Может, это соловей? – растерянно спросила Зоя.

– Ну что ты, – ответила мама, – соловьям петь ещё рано. Они начинают петь, когда зацветёт сирень.

– Странная птичка, – хмыкнув, заключила Зоя и, подойдя к матери, вручила ей букет из одуванчиков.

– Хватит для веночка?

– Конечно.

– А тебе... на именины... вместо сирени я нарву вон тех веток, – кивнула Зоя на огромный куст буйно цветущей бузины.

– Нарви, – усмехнулась Навка, продолжая плести дочке веночек.

Зоя сорвала несколько веток с гроздьями белых соцветий и сморщила носик.

– Фу, какой от них неприятный запах.

– Ничего, – сказала Навка, – зато этот запах отгоняет клещей, мух и даже самого повелителя мух.

– А разве у мух есть повелитель? – спросила Зоя, срывая ещё одну ветку.

– О да. И нам с ним лучше не встречаться.

– Значит, этот куст ядовитый? – догадалась Зоя.

– Конечно. Осенью эти белые соцветия превратятся в гроздья чёрных ядовитых ягод, и в них будет столько синильной кислоты, что можно отравить не только муху, а целого слона.

– Чего ты раньше не сказала!

Зоя испуганно бросила сорванные ветки бузины на землю.

– Ну, это ж будет только осенью, а сейчас они безвредны, – улыбнулась мамочка. – Иди сюда!

Она закончила плести веночек, и водрузила его на голову дочери. Жёлтый венок из одуванчиков, как нимб, украсил её волосы.

– Какая ты у меня красавица! – восхитилась Навка. – А ну, покружись!

Зоя закружилась, и белое платье её взвилось колоколом. Под ним у неё обнаружили худенькие ножки девочки-подростка, хотя сверху уже проглядывала вполне сформировавшаяся грудь.

Когда голова у Зои перестала кружиться, она обнаружила в траве неподалёку голубые колокольчики, которые раньше не замечала. Развёрнутые лепестки венчиков напоминали собой в профиль пятиугольную звезду, а в анфас – царскую корону. Но, вероятнее всего, корона была создана по образцу этих колокольчиков.

– Я тебе лучше этих нарву! – воскликнула Зоя и бросилась к ним.

Навка глянула на цветы: *что-то здесь было не так.*

– Не трогай их! – крикнула ей Навка. – Не надо!

Обычно колокольчики цветут в середине лета, а не в конце апреля.

Но Зоя и не думала срывать цветок. Рядом с ним она обнаружила странный предмет, похожий на янтарный браслет. Взяв его в руки, она с любопытством рассмотрела его. Прозрачный жёлто-оранжевый браслет был необычной формы: он чем-то напоминал наручные часы, только на циферблате не было ни стрелок, ни цифр. Вместо них по окружности располагались двенадцать бугорков с терракотовыми вкраплениями, ещё один багровый бугорок находился в центре.

– Мам, смотри, что я нашла, – протянула она браслет подошедшей Навке.

Та с изумлением взяла его в руки: ничего подобного она раньше не видела. Довольно объёмный, на широкую мужскую руку, он был вырезан, видимо, из цельного куска янтаря. Бугорки на светлом поле циферблата, собранные в круг, чем-то напоминали эмблему евросоюза.

Одинаковые красно-коричневые вкрапления под ними предполагали высочайшую технологию изготовления. Браслет, скорее всего, был утерян кем-то из иностранцев.

– Гора всегда забирает себе то, что ей причитается, – вслух произнесла Навка и вернула браслет дочке.

Зоя тут же надела его себе на запястье, но он оказался слишком большим для её тонкой руки и едва не соскочил на землю. Невзначай она нажала пальцем на центральный багровый бугорок. К удивлению, тот легко продавился внутрь, словно это была кнопка, и засветился алым цветом.

В тот же миг произошло нечто невероятное. Вначале её бросило в холод: мороз пробежал у неё по спине, и она покрылась гусиной кожей. Потом её бросило в жар, и в следующую секунду она вспотела: перед глазами её возникло море, и воздух поплыл над поляной, как над костром.

Затем в ушах у неё зазвенело, после чего наступила звонкая тишина. Видимо, тоже самое почувствовала и Навка, поскольку она испуганно уставилась на дочь.

– Что это? – спросила Зоя.

– Не знаю, – недоумённо пожала плечами Навка. – Ничего не понимаю. Может, это... так действует браслет?

Зоя с ещё большим интересом присмотрелась к нему. Багровая точка продолжала светиться изнутри алым цветом. Любопытство пересилило её, и она нажала на самый верхний бугорок на циферблате. Тот загорелся оранжевым цветом, и в ту же секунду произошло нечто совершенно невообразимое и даже немыслимое.

Пространство перед ней *внезапно искривилось*, словно произошло переключение с одной волны на другую, словно что-то *сдвинулось* в некоем частотном диапазоне, время *понеслось* вспять, – и... за спиной Навки она увидела огромную змею, вернее, её толстый десятиметровый хвост. *Питон?*

Переведя взгляд влево, Зоя обомлела: питон оказалась хвостом диплодока – громадного динозавра высотой с трёхэтажный дом. Туловище у него было, как у слона, плавная восходящая линия спины переходила в вытянутую десятиметровую шею, которая заканчивалась приплюснутой головой, похожей на змеиную. Всем своим видом динозавр напоминал гигантскую змею на четырёх ногах.

Диплодок мирно пощипывал листья с верхушек близлежащих деревьев, совершенно не обращая на них внимания. Это походило на ожившую голографическую картинку. Неожиданно он вильнул хвостом и едва не сбил Зою с ног. Истошно вереща, та кинулась к матери. Заметив движение, диплодок настороженно повернул голову и, обнаружив невиданные прежде двуногие существа, повел длинной шеей в их сторону. Ещё секунда, и его огромная морда оказалась бы рядом.

Зоя судорожно соображала, что делать. Бежать к спасительным деревьям не имело смысла: они бы не успели. Предположив, что появление динозавра было обусловлено нажатием её пальца на верхний бугорок, а сам браслет служил неким устройством для переключения голографических картинок наподобие пульта от телевизора, позволявшего переходить с одного канала на другой, она рискнула нажать на ещё один бугорок на циферблате.

Предыдущая кнопка тотчас погасла, новая – зажглась, и динозавр тут же исчез. Навка с облегчением вздохнула и прижала к себе напуганную дочку. Зоя с ужасом глядела перед собой и трусилась, как в лихорадке, мелкой дрожью.

– Ну, всё, всё, всё, – принялась успокаивать её Навка, – тебе всё это показалось.

– Нет, не показалось, – покачала головой Зоя.

Навка погладила её по спине.

– Ничего, ничего, всё уже прошло.

Но, как оказалось, всё только начиналось. За спиной своей Зоя услышала дыхание. Такое шумное хриплое дыхание могло быть только у громадного животного. Холодок ужаса пробежал у неё по спине. Страшно всегда бывает, когда слышишь, но не видишь зверя. Обернувшись, она увидела его.

В густой тени деревьев в десяти метрах от неё скрывался хищный тирекс, двуногий тираннозавр с массивным черепом и метровой зубастой пастью, которая уравнивалась длинным тяжёлым хвостом, вытянутым параллельно земле. По сравнению с мощными задними трёхпальными лапами передние конечности этого ящера были небольшими и имели два когтистых пальца.

Чудовище шевельнулось, и Зоя увидела его страшные, блеснувшие зелёным огнём глаза. Тишину прорезало низкое, гортанное рычание, и тирекс бросился к ним. От тяжелого топота у Зои колени подогнулись от страха.

Всего несколько прыжков – и тираннозавр оказался перед ними. Еще секунда – и он схватит их своей раскрытой острозубой пастью! Опомившись, Зоя в последний момент нажала первую попавшуюся кнопку на браслете – и тирекс, не добежав до них полметра, вдруг исчез.

Но вместо него над головой у них пролетел длиноклювый птеродактиль, похожий на гигантскую летучую мышь. Включилась очередная голографическая картинка, и мама с дочкой оказались вовлечёнными в новую виртуальную реальность. Заметив их, птеродактиль заклекотал, и ему тут же резкими, противными криками ответили другие птерозавры. Слетевшись со всех сторон, они стали парить над ними, разрезая воздух чёрными, согнутыми в предплечьях, перепончатыми крыльями, и вскоре всё небо над поляной заполнила мельтешащая масса летающих ящеров.

Населявшие Землю ещё в юрский период, они, по всей видимости, никуда не исчезли, а просто перешли в иной диапазон частот, отличный от того, в котором живут люди.

Навка с Зоей на этот раз уже без всякого страха наблюдали за ними. Сотрясая воздух криками, птеродактили кружили высоко в небе. Вскоре, постепенно сжимая круг, они стали опускаться все ниже и ниже, и наконец, один за другим, стали пикировать на них, едва не задевая крыльями их лица.

Зоя, пытаясь найти ту кнопку на браслете, которая бы выключила поскорее эту безумную вакханалию, стала хаотически в испуге нажимать прочие кнопки на браслете. И так же хаотически на поляне один за другим стали появляться прочие представители рептилий.

Трёхрогие трицератопсы с костяными воротниками на шее сменяли травоядных стегозавров с треугольными пластинами на спине. Карнозавры, похожие на гигантских ящериц, выбегали вслед за велоцирапторами, похожими на ходячих крокодилов, а на смену птеранодонам с размахом крыльев в 8 метров прилетали клювомордые рамфоринхи, у которых длинный хвост заканчивался ромбовидным закрылком.

Случайно она дважды нажала на одну и ту же кнопку: та неожиданно погасла, и видения в ту же секунду прекратились. Выключение временного частотного диапазона, видимо, предполагало двойного нажатия. Зоя облегчённо вздохнула. На всякий случай, она повертела головой и осмотрелась по сторонам, ожидая какого-нибудь подвоха, но нет, всё было тихо, мирно и спокойно.

Неожиданно вновь послышался чарующий голос странной птички. Навка и Зоя одновременно подняли головы вверх и увидели сидевшую высоко на ветке жёлтую птицу. Сидя спиной к ним, она с упоением заливалась трелью, выводя одну руладу за другой.

– Так это ж канарейка! – догадалась Зоя.

– Откуда здесь она? – задалась вопросом Навка.

Прекратив пение, канарейка повернулась к ним, и Зоя увидела, что на месте птичьей головы у неё находилась... голова девушки. Светлые распущенные волосы, обрамлявшие милое лицо, спускались на девичью грудь, слегка прикрытую жёлтыми перьями, а плечи плавно переходили в руки-крылья.

– Вот так птичка! – опешила Зоя.

– Это райская птичка, – догадалась мама, – Алконост.

Вспугнутая их голосами, птицедева вспорхнула и улетела прочь.

– Занятная игрушка, – подивилась действию янтарного браслета Зоя.

Тем не менее, центральный бугорок в нём продолжал ещё светиться алым цветом. Видимо, кнопка эта выключала само устройство. Зоя собралась уже нажать на бугорок, как вдруг услышала сзади подозрительный шорох. Мгновенно обернувшись, она увидела что-то такое, что заставило её испуганно нажать на бугорок. Тот тут же погас, вновь став из алого багровым.

Навка глянула на дочь: смешанное выражение изумления и ужаса застыло на её лице. Навка посмотрела в ту сторону, откуда доносился шорох, и заметила вдали между деревьями фигуру человека, одетого в кожаный плащ. Он шёл параллельно лужайке, как будто бы не замечая их.

– Кто это? – испуганно подалась назад Зоя.

– Человек, – ответила Навка, удивляясь её вопросу.

– Это не человек, – глухо сказала Зоя, провожая взглядом фигуру, – у него голова только что была какая-то... нечеловечья. Какого-то ящера.

– Ты видела у него голову ящера? – поразила её ответу Навка, наблюдая на плечах мужчины в кожаном плаще вполне обычную человеческую голову с кудрявыми рыжими волосами и с кучерявой рыжей бородой.

Зоя, тем не менее, кивнула с таким видом, словно ничего необычного в этом не видела. Впрочем, чему удивляться? В последнее время мифические ящеры, драконы, динозавры и прочие твари стали для детей более привычными, чем кони, козы и коровы, поскольку присутствовали в мультиках и в книжных иллюстрациях гораздо чаще, чем домашние животные.

Предположив, что чудесное превращение одной головы в другую произошло сразу же после выключения янтарного браслета, Зоя, не колеблясь, снова нажала на центральную кнопку.

Её опять охватил холод, а затем её бросило в жар, перед глазами её вновь возникло марево, в ушах зазвенело, а затем в наступившей тишине голова человека в плаще, действи-

тельно, обернулась головой монстра: ужасной мордой ящера с зубастым клювом и с длинным гребнем, отведённым назад.

По-видимому, нажатие центрального бугорка активировало эти, явно неземного происхождения, квантовые часы. Активация же приводила к сканированию объекта, распознаванию его и демонстрировала его реальный облик.

– Вот видишь, я же говорила, – радостно воскликнула Зоя, – это ящер!

Услышав последнее слово, человек с головой рептилии резко обернулся и, заметив на лужайке мать с дочкой, неожиданно взмахнул лапами своего кожаного плаща, – так, что они моментально стали перепончатыми крыльями и, миг поднявшись над деревьями, полетел в их сторону.

Зоя тут же спрятала руку с зажатым в ладонь браслетом за спину и испуганно прижалась к матери.

Внезапное ускорение, сдвиг, – и... вот уже человек-ящер завис над ними. Был он похож вблизи на птерозавра с человеческим торсом. Спереди бёдра его до колен прикрывала короткая кожаная юбка. Сзади ноги его прикрывала длинная накидка. Правда, с крыльями у рептилоида был явный перебор – одной парой он махал перед собой, другой – за спиной.

– Кто тут увидел ящера? – свирепо спросил небесный бес. – Ты? – кивнул он Зое.

Реально звуков он никаких не произносил, но всё это каким-то образом доносилось до их ушей. Зоя обомлела вся от страха. К своему удивлению, на правой руке твари она обнаружила удивительно знакомый браслет, подобный тому, который она прятала у себя за спиной.

Поняв по реакции девочки, что он напугал её своим видом, летающий ящер дважды коснулся острым когтем циферблата. И в то же мгновение рептильная голова его вновь сменилась на человеческую – с кудрявыми волосами ниже плеч и с кучерявой рыжей бородой. На груди его блеснула толстая, в палец толщиной, золотая цепь, на которой покачивалась золотая подвеска в виде треугольника, обращённого острым углом вверх.

Из мочки его правого уха свисала серьга, изображавшая анх – золотой крестик, увенчанный серебряным кольцом, а голову его венчал колпак, похожий на чалму.

– Откуда ты? – глухо спросила Навка.

– Меня позвали, – зловеще ухмыльнулся бес небес.

– Кто? – спросила Навка.

– Тот, кто сказал: *«Изыди из горы сия!»* – осклабился он. – Вот я и *вышел*. Поэтому посторонним здесь делать больше нечего.

– Как это посторонним? – не поняла Навка. – Эта гора всегда была нашей!

Херувим спустился пониже, надвигаясь сверху на мать с дочкой и отгоняя их взмахами всех четырёх крыл.

– Эта гора принадлежит нам, – картавя, произнёс он, – и должна быть очищена от посторонних. Простым людям здесь не место. В особенности тем, кто видит нас.

Навка с Зоей попятись, отступая к кусту бузины.

– Ты поняла меня? Чтобы через пять минут здесь не было ни тебя, ни твоей дочки! Иначе...

Метнувшись в сторону, Навка с Зоей вплотную притиснулись к цветущему кусту, источавшему неприятный запах. Дальше отступать им было некуда.

– Фу, какая вонь, – отстранился вдруг херувим, сморщив нос.

Он не переносил противный запах бузины. Такая мелочь, но это было единственным, что обращало его в бегство. Впрочем, слезоточивый газ из баллончика с красивым названием «черёмуха», если вспомнить, обращал в бегство даже целые толпы вооружённых щитами и дубинами мирных манифестантов. Чаше замахав крыльями, херувим отлетел от куста прочь на несколько метров.

– Чтобы духу твоего здесь не было! Иначе не видать тебе дочки, как своих ушей. Ясно?

– Ясно, – ответила Навка.

Удовлетворённый ответом, небесный бес взвился над полянкой и вскоре скрылся за деревьями.

– Мам, кто это был? – спросила Зоя.

Занятая мыслями, Навка не ответила ей. Оглушённая происшедшим, она смотрела в ту сторону, куда удалился бес небес, словно ожидая, что он вновь вернётся.

– Не следовало мне сегодня брать тебя сюда, – сказала она, будто говоря сама с собой.

– Мам, ну, кто это был? – переспросила дочка, дёргая Навку за сарафан.

Навка тяжело вздохнула.

– Тварь, – ответила она и ругнулась ему вслед, – гад летучий!

– А это тогда... кто? – показала Зоя на скользящего по траве на лужайке чёрного карлика с лысой головой.

С высоты своего роста Навка увидела нечто большее: вместо ног за карликом стелился, извиваясь, длинный змеиный хвост. Это был *змей с человеческим лицом*. Обнаружив ещё одного монстра, она оторопела:

– Только его здесь не хватало!

Схватив дочку за руку, Навка бросилась прочь с поляны. Пробегая мимо дурно пахнущего куста, она вдруг передумала и решила спрятаться за ним.

– Кто это? – шёпотом спросила Зоя.

– Тише, – приставила Навка палец к губам, прислушиваясь.

Сквозь разросшийся куст ничего не было видно. Ни слева, ни справа от него никто не появлялся. Где находился аспид, было непонятно.

– Стой тут! – одними губами сказала Навка, а сама выглянула из-за куста бузины. На полянке никого не было. Подойдя к ветвистому грабу, нависающему над кустом, она с недоумением огляделась вокруг: никого.

– Ты где, гад ползучий? – осмелела она.

Невзначай она подняла голову вверх и к своему ужасу увидела обвитый вокруг ствола змеиный хвост. Сам чёрный карлик располагался на высоком, толстом суку. На его шее поблёскивала толстая, в палец толщиной, золотая цепочка, на которой покачивалась золотая подвеска в виде треугольника, обращённого острым углом вниз.

Неожиданно аспид рванулся к ней с высоты и, выставив вперёд свои загибающиеся руки, попытался схватить ими Навку.

Она в испуге отступила на шаг в сторону. Аспид промахнулся, но кончик хвоста, обвитый вокруг сука, всё ещё удерживал его на дереве. Подобрал с земли сорванные Зоей ветки бузины, Навка быстро опомнилась и со всей силы принялась хлестать ими аспиды по голове его и по рукам. Уклоняясь от ударов, змей с человеческим лицом мотал лысой головой из стороны в сторону, пока не сорвался. Через секунду змеиное туловище глухо ударилось о землю. Аспид также не мог вынести этот противный резкий запах! *Всё что угодно, только не запах бузины!*

Не давая ему прийти в себя, Навка продолжила хлестать его вонючими ветками по голове, приговаривая в исступлении:

– Пошла прочь! Пошла прочь, тварь, отсюда!

Изворачиваясь, как уж на сковороде, рептилия скользнула в сторону. Войдя в раж, Навка преследовала её до тех пор, пока на пути ей не встал частокол грабовой поросли. Убедившись, что аспид исчез из виду, Навка вернулась на полянку. Вдали она вновь увидела пролетающего над деревьями человека-ящера. *Он вновь вернулся! Он явно только что был на поляне!*

– Зоя! – настороженно позвала она.

Не услышав ответа, она бросилась к кусту бузины и, обожав его вокруг, обнаружила лишь валявшийся на траве янтарный браслет и венчик из одуванчиков. Самой Зои нигде не было.

Навка подняла с травы браслет: в нём до сих пор светилась алым цветом кнопка. *Почему она его бросила? Куда она побежала?* Выключив кнопку, она сунула браслет в левый боковой кармашек сарафана, а из правого вытащила мобильный телефон. Набрав номер дочери, она приложила трубку к уху. Чужой женский голос сообщил ей, что абонент вне зоны доступа.

Зоя, боже мой, ты где?

Над головой своей она вдруг услышала взмах крыльев. Подняв голову, Навка вновь увидела райскую птичку. Опустившись на ветку, та вновь огласила лес звонким пением, словно силилась ей что-то сказать.

– Кыш! – замахнулась Навка на неё рукой, – не до тебя!

12. Навка и её дар

Димон-А раскрыл ладонь, на которой лежали запретные плоды, огляделся по сторонам и тут же вновь спрятал кактусы, зажав их в кулак.

– Ты чего? – удивился О`Димон.

– Да вон, – кивнул Димон-А, – пусть эти пройдут.

К ним приближались экскурсанты во главе с босоногим гидом. Непредвиденный обратный спуск экскурсионной группы по Ведьминому языку происходил молча: то, что гид счёл необходимым рассказать при подъёме, он уже рассказал, и теперь возникла неловкая молчаливая пауза, нарушаемая лишь шорохом многочисленных кроссовок да одиноким перестуком Ладиных каблуков.

Проходя мимо стоявших на обочине парней, экскурсанты с подозрением пялились на них: зачем, с какой целью те стояли тут, на краю дороги, им было непонятно. Не зная, чем себя занять, Димоны напряжённо всматривались вдаль, делая вид, будто они кого-то ожидают.

Как только растянувшаяся в цепочку группа отошла подальше, Димон-А тотчас раскрыл ладонь, но кинув взгляд в противоположную сторону, сразу же вновь зажал кактусы в кулак.

– Что ещё? – удивился О`Димон.

– Да вон, – кивнул Димон-А, – ещё одни.

Следом за экскурсантами, на расстоянии ста метров от них, с горы спускались две похожие друг на друга светловолосые девушки в традиционных украинских нарядах.

– Да что это такое! – возопил от негодования О`Димон. – Устроили тут Крещатик!

Скрепя зубами от злости, они едва дождались, пока девушки пройдут мимо. Глядя им в спину, Димон-А с нетерпением вновь раскрыл ладонь, предвкушая уже скорое блаженство, но тут с вершины холма, прямо напротив них, вдруг раздался громкий крик, будто кто-то звал кого-то.

– Зо-я!

Девушки в красных юбках и в белых сорочках тотчас остановились рядом и обернулись на зов.

По склону холма к ним спускалась миловидная женщина лет тридцати пяти, одетая в похожий наряд: в красный сарафан до колен и в белую вышиванку. По плечам её были распущены длинные русые волосы. В руке она держала несколько веток цветущей бузины. Чуть поодаль, перелетая с дерева на дерево, её сопровождала жёлтая канарейка.

– Зоя! – вновь позвала женщина, беспокойно озираясь по сторонам.

– Это же Навка, – узнав её, шепнула кузине Жива.

– А кто такая Навка? – спросила Майя, но не дождалась ответа, поскольку Жива тут же бросилась навстречу женщине в красном сарафане.

Майе ничего не оставалось, как последовать за двоюродной сестрой.

– Жива, ты Зою мою здесь не видела? – озабоченно спросила Навка.

Жива отрицательно покачала головой.

– А что такое?

– Она куда-то пропала.

Димоны со стороны наблюдали за ними, с ожесточением ожидая, когда же закончится их разговор. С видимой тревогой на лице женщина в красном сарафане что-то рассказывала девушкам, затем в руке у неё вновь появился мобильный телефон.

– Мам, ты где? – с сильным волнением в голосе заговорила Навка в трубку. – Подходи скорее! Зоя исчезла... Я не знаю, где она. Она как сквозь землю провалилась. Мне кажется, она исчезла неспроста... мы с ней нашли браслет... ну, такой, короче, как часы. Но это не часы. Они как-то так действуют, что мы с Зоей стали видеть. Тех самых *тварей*, которых видишь

ты! Мам, это ужас! Они нам угрожали! Сказали, чтоб мы убирались прочь с горы. Эти гады догадались, что мы их видим.

Наблюдая за ней со стороны, О`Димон не находил себе места: из-за бабских разговоров дегустиация кактусов откладывалась на неопределённое время.

– Сколько можно триндеть? – гневно воскликнул он.

– Не злись, – предупредил его Димон-А. – Гнев – это смертный грех. Так что, два – один.

О`Димон недовольно хмыкнул.

– Ты же сказал, что это добродетель.

Завершив разговор по телефону, женщина в красном сарафане перекинулась затем ещё парой слов с девушками. Те в поисках пропавшей Зои двинулись вниз по Змеиному спуску, а сама Навка направилась прямо к ним.

Казалось бы, от неё нельзя было глаз отвести: и от её круглых коленок, выглядывавших из-под красного сарафана, и от её полной груди, вздымавшейся при ходьбе под белой сорочкой. Но эти прелести нисколько не прельщали сейчас молодых людей. Им хотелось только одного: чтобы она поскорее скрылась с глаз долой.

– Извините, вы тут девочку в белом платье не видели? – озабочено спросила она, подходя к ним поближе.

– Нет, – коротко ответил О`Димон, опередив товарища.

– А монстров?

– Каких ещё монстров? – не понял Димон-А.

– Ну, таких двух тварей, похожих на людей, – показала она руками, – один гад со змеиным хвостом, а другой – с крыльями за спиной. Вы случайно не видели, куда херувим тот полетел?

Димоны недоумённо переглянулись между собой.

– Нет, – покрутил головой О`Димон.

Навка с подозрением уставилась на парней.

С некоторых пор, сразу же после рождения дочери, у неё вдруг открылся дар видеть бесов в одержимых людях. И даже слышать, что они говорят. У этих парней бесы были *видимыми* издалека. Не догадываясь, что они обнаружены, нежити с издёвкой корчили ей рожи и, не стесняясь, посылали нахер.

Интуиция подсказывала Навке, что одержимые, кроме того, были ещё и *затваренными*. Притворяясь своими, *иные* скрывали свою звериную сущность под покровом физического тела человека. Зачастую их внутреннее естество проявлялось и во внешнем облике. Необходимо было его только разглядеть.

Схожесть одного из парней с овном, а другого с цаплей, выдавали в одном – дикого барана с вьющейся шерстью и серповидными рогами, а в другом – хищную птицу с длинным клювом и с втянутой в плечи S-образной шеей.

Не выдержав пронзительного взгляда Навки, Димон-А опустил глаза.

– Я вижу, вы уже попались в их ловушку, – неожиданно констатировала она, подслушав разговор подселённых в парней нежитей.

– В какую ещё ловушку? – с недоумением произнёс Димон-А. – Женщина, вы о чём?

– Я о тех двух маленьких, лишённых колючек мексиканских кактусах, которые, если пожевать, мало не покажется.

Слова длинноволосой женщины в красном сарафане привели Димонов в такое замешательство, что те застыли на месте, словно поражённые молнией.

– Они и, правда, дадут вам возможность увидеть то, чего не видят другие, – добавила Навка. – Но это последнее, что вы увидите.

О`Димон мгновенно побледнел и напрочь потерял дар речи. Вытащив глаза от изумления и приоткрыв рот, он силился что-то сказать и не мог. Его приятеля, напротив, тут же

бросило в жар. Уши Димона-А стали пунцовыми, словно его только что застали на месте преступления или уличили в том, что он так тщательно скрывал.

Тем не менее, сделав вид, что он тут совершенно не причём, Димон-А пришёл безгласному другу на помощь.

– Нет... никого мы здесь не встречали, – пробормотал он.

– Ясно.

Не говоря больше ни слова, женщина в красном сарафане оставила их и пошла дальше вверх по дороге. Слетевшая со склона жёлтая канарейка вновь закружилась над её головой.

– Отстань! – махнула на неё рукой Навка.

Канарейка обиженно метнулась в сторону и улетела. Хлопая глазами, О`Димон смотрел на удалявшуюся фигуру ясновидящей. К нему неожиданно вернулся дар речи.

– Как это она догадалась?

– А бес его знает, – пожал плечами Димон-А.

Больше не таясь, он разжал кулак и вновь показал приятелю два тёмных, засушенных кактуса на ладони.

– Ну что, сейчас заточим или потом?

– А там, возле вышек, менты, случайно, не стоят? – спросил О`Димон.

– Обычно не стоят, но сегодня особый день. Сегодня вполне могут стоять.

– Тогда давай сейчас, пока нас не обшманили.

О`Димон протянул руку за одним из кактусов.

В то же мгновение ушедшая вперёд женщина неожиданно остановилась и повернулась к ним.

– Даже и не думайте! – крикнула она издали.

– А мы и не думаем, – стебаясь, ответил О`Димон.

– В таком случае очень скоро вы увидите её.

– Кого? – любопытствовал Димон-А.

– Свою нежить.

– Какую ещё нежить?

Навка усмехнулась.

– Вы будете *очень* удивлены, увидев её.

– Где же она? – деланно удивился О`Димон. – Почему я её не вижу?

Женщина в красном сарафане на мгновение призадумалась, сомневаясь, стоит ли открывать им то, *что* она разглядела в них ещё. И всё благодаря янтарному браслету.

– Потому что она... – Навка намеренно сделала паузу, чтобы ответ её прозвучал весомей, – ...в тебе.

– Во мне? – недоумённо перепросил О`Димон.

– Этот бес уже давно сидит в тебе. Впрочем, и в твоём друге тоже.

– Да что вы говорите! – усмехнулся Димон-А.

Она явно издевалась над ними. Поверить в то, что говорила им женщина в красном сарафане, было невозможно. Как-то не вязался её обольстительный облик с тем, что она прорицала.

– Более того, очень скоро вы увидите ещё и змею.

– Какую ещё змею?

– Такую, – ответила Навка.

Сжав пальцы в кулаки, она соединила руки над головой, показав им замкнутый круг.

– Уробороса? – насмешливо спросил всезнающий О`Димон.

– Нет, амфисбену.

– Амфисбену? – неожиданно удивился он. – У которой две головы?

Навка кивнула.

– Чёрт подери, сколько же всего интересного мы сейчас увидим! – загорелся Димон-А.

Поняв, что переубедить бесноватых парней ей не удастся, Навка вздохнула и пошла дальше вверх по дороге.

– Ну и что делаем? – неуверенно спросил О`Димон.

– Делаем, что изволим, – решительно ответил Димон-А.

– Ну, тогда погнали! – О`Димон смело, не таясь, отправил свой кактус в рот. Второй кактус исчез во рту Димона-А. Оба молча и усиленно принялись жевать что-то явно несъедобное.

– Фу, какая гадость, – поморщился Димон-А.

– А по мне так вроде ничего, – не согласился с ним О`Димон.

Глядя в спину удалявшейся женщины в красном сарафане, Димон-А предположил:

– А может, у неё просто крыша поехала, паранойя там или какой-нибудь синдром?

– Я бы не сказал, – покачал головой О`Димон. – В чём-то она права. В тот раз я, действительно, почувствовал в себе змею.

– Какую ещё змею?

– Ту самую, которая, свернувшись спиралью, спит в крестцовой кости у каждого человека, – со знанием дела ответил О`Димон. – Йоги называют её кундалини.

Ещё со школы увлёкшись змеями, как реальными, так и мифическими, О`Димон знал о них практически всё, что можно было вычитать в интернете. Интерес к серпентологии возник у него сразу же после того, как однажды в лесу в Пуще-Водице его едва не укусила гадюка, выскользнувшая из-под ног.

– Да, ладно, как ты мог её почувствовать?

– Обыкновенно. Когда она выходила из меня.

– Выходила? Из тебя? Откуда же она выходила? Из задницы?

– Из родничка. Из того места на темечке, которое зарастает у младенцев в первый год жизни.

Их разговор неожиданно вновь прервали призывные крики Навки, раздававшиеся далеко впереди:

– Зоя! Зоя!

13. Иные

Тем временем группа экскурсантов, растянувшись в цепочку, подошла к бетонной подпорной стенке со знакомой надписью «ШАБАШ» и с чёрно-красной стрелкой, указывающей в противоположную их движению сторону, – туда, куда их не пустили.

– Так что, – недовольно протянул похожий на кролика Сеню мужчина в очках, – на шабаш мы тепеь уже не попадём?

Из-за неправильного прикуса он не выговаривал звук «р».

– А вы что, – с напускным недоумением спросил его гид, остановившись возле указателя и поджидая, пока вся группа соберётся возле них, – хотите там сегодня побывать?

– Конечно, – кивнул лопухий мужчина.

– И я хочу! – осклабилась девушка с лошадиной улыбкой, подходя ближе.

– Это ж будет непростительно, посетить Лысую Гору в такой день и пропустить ш-шабаш-ш, – прошелестела шедшая следом толстая тётка с одутловатым лицом и поросычьими глазками, чем-то похожая на владельца фабрики имени Карла Маркса.

– Желаете увидеть песни и пляски ведьм? – подначивая подходящих, продолжил гид.

– Ну, р-разумеется, – кивнул мужик с жидкой козлиной бородакой.

– Но ведь вам всем тогда придётся... – сделав паузу, продолжил гид, – принять участие в одном ритуале.

– В каком ещё ритуале? – заинтересовалась Лада.

– В ритуальном совокуплении *главного избранника дьявола* с девственницей, – с откровенной издёвкой добавил гид.

– Обож-жаю такие ритуалы! – облизнула верхнюю губу, как ящерица, барышня с длинным язычком.

– Ну, в таком случае, – обратился ко всем экскурсантам гид, – давайте проголосуем. Кто за то, чтобы после экскурсии отправиться всей группой на шабаш, поднимите руки.

Все без исключения подняли руки. Гид внимательно оглядел присутствующих.

– А не испугаетесь? – усмехнулся он.

– А кого нам пугаться? – бесстрашно ответил плечистый парень с тигриной татуировкой на плечах и шее.

– Ну как же? Того самого ритуального дефлоратора, который предстанет перед вами в образе рогатого козла и которого в начале церемонии придётся всем поцеловать в зад.

Представив церемонию в деталях, все экскурсанты на минуточку задумались.

– Но так было раньше, – поспешил успокоить гид поклонников шабаша. – Сейчас церемония несколько изменилась, и главного избранника дьявола представляет теперь совсем иная фигура.

– Какая? – спросила Лада.

– Об этом вы узнаете уже на месте, – пообещал ей босоногий гид.

Далее дорога делала крутой поворот налево, образуя змеиный изгиб, после чего круто спускалась вниз. Группа вновь растянулась в длинную цепочку, повторяя движение змеи. Через пару минут людская змейка спустилась к подножию горы.

Шедший впереди гид, остановился перед закрытым шлагбаумом, с которого началось их восхождение на гору, и перед которым, сделав петлю, оно и завершилось. Подождав, пока все соберутся возле него, он вновь обратился к ним:

– К сожалению, нам помешали зайти на Лысую гору в этом месте. Но ваш покорный слуга знает и другие тропки наверх, которые им неведомы.

– Куда же мы пойдём? – спросила Лада.

– Сейчас мы обойдём Лыску и зайдём на неё с другой стороны. Но прежде я хотел бы вам задать один вопрос. Когда вы поднимались на гору, а потом спускались с неё, заметили ли вы там что-нибудь необычное?

– Да нет, – пожалала плечами дама в очках, – всё было вроде бы обычно. Обыкновенный парк, каких в Киеве немало.

– А что конкретно вы там видели?

– Деревья! Дорогу! Траву! Первые цветы! – наперебой посыпались ответы.

– Всё это так, да, – согласился с экскурсантами гид, – вы видели лишь то, что видели ваши глаза. Реальный мир. Но должен вас предупредить, что на этой горе имеется также и иной, невидимый вами *ирреальный мир*, который существует не менее реально, чем реальный.

– Ирреальный мир? – недоумевающе спросила Лада.

– Именно так, – кивнул гид. – Он больше похож на Зазеркалье. Человек, впервые попадающий на Лысую Гору и видящий перед собой обычный ландшафтный парк, даже не подозревает, что в первоцветах – среди анемонов, пролесков, ряста и скорзонеры – ползают хтонические аспиды, за дубами скрываются динозавры, а над грабами летают крылатые ящеры.

– Да, ладно. Что вы выдумываете! – не поверили ему экскурсенты.

– Просто люди не могут себе представить, – невозмутимо продолжал гид, – что благодаря находящей здесь чёрной дыре, которая, как воронка втягивает в себя всю нечисть, Лысая Гора просто переполнена всякими чертями и бесами, просто кишит восставшими из могил упырями и некромантами, не говоря уже о всяких злых духах и призраках, которые слетаются сюда со всех концов земли.

То, что мы не видим этих аспидов и ящеров, а также прочих вампиров, упырей и вурдалаков, вовсе не означает, что они не существуют. Они существуют, но астрально, в параллельной реальности, на втором плане. Как уверяют экстрасенсы, они находятся рядом с нами, но только в другом измерении, на иной частоте вибраций. Обычный человек не ощущает их только потому, что у него нет гаджетов для контактов с ними.

Вот стоим мы сейчас с вами на дорожке. Слышите, какая тишина стоит? А ведь это тишина обманчивая. Стоит лишь всунуть в уши наушники и включить радио в мобильном телефоне, как эта мёртвая тишина вмиг наполнится голосами диджеев и музыкой. Стоит лишь вам набрать номер, – и вы тотчас услышите знакомый голос, а с помощью скайпа или вайбера даже увидите того, кто за тысячу километров отсюда.

Без сотового или планшета человек не способен воспринимать перенасыщенный разговорами теле– и радиоэфир. А ведь существует ещё и ноосфера, аналог беспроводного вайфая, только интернет этот естественный, нерукотворный. При этом подключаться к ноосфере могут все без исключения люди. Все эти озарения творческих людей, все изобретения, всё это оттуда, – показал гид пальцем вверх.

Все экскурсенты рефлекторно обратили свой взор в небо.

– Что же касается обнаружения невидимых существ, – продолжил гид, – то, как уверяют некоторые исследователи, подобные гаджеты также существуют. Например, тепловизоры, позволяющие видеть в темноте, или квантовые переключатели, с помощью которых возможен переход из одного измерения в другое. Инопланетяне и пришельцы, между прочим, давно уже пользуются ими. Кроме шуток.

Гид вытащил из камуфляжной сумки, свисающей с его плеча, планшет и включил его. Экскурсенты сгрудились вокруг.

– Вот, посмотрите на эти снимки. Этим барельефам шесть тысяч лет. На них изображены шумерские боги аннунаки, что в переводе означает «сошедшие с небес». Как видите, на руках у них браслеты, напоминающие часы. У некоторых даже на обеих руках. Возможно, эти браслеты позволяли им определять время, а, возможно, благодаря им они путешествовали по времени.

Вполне вероятно, что подобные артефакты сохранились до сих пор. Те, кому посчастливится найти эти квантовые часы, наверняка смогут увидеть и самих пришельцев, – улыбнулся гид.

– А чего это они такие странные, с птичьими головами? – заинтересовался картинками паренёк с крючковатым носом и с коротким гребнем на стриженной голове, делавшим его похожим на петуха.

– Да ещё с четырьмя крыльями за спиной? – добавила прыщавая девица с острой крысиной мордочкой.

– Пришельцы ведь были тварями, – пояснил гид, – всякими там летающими ящерами и рептилиями. Увидев, что земные женщины хороши собой, они овладевали ими, и те поначалу рожали всяких уродов – «не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку». Постепенно рептилоиды стали походить на людей. Но долго находиться в человеческом облике они не могут. Чтобы оставаться в этом облике, им постоянно нужна человеческая кровь. Вот откуда все эти вампиры и вурдалаки, которые так любят устраивать кровавые жертвоприношения.

– Какой ужас! – воскликнула Владислава.

– Чтобы управлять людьми и не зависеть при этом от их крови, в помощь себе рептилоиды *создали* иных людей.

– *Иных?* – удивилась барышня с длинным, как у ящерицы, языком, которым она периодически облизывала им губы, а иногда даже кончик носа.

– Ну да, генетически модифицированных людей или *гуманоидов*, у которых только оболочка человечья. Внутри же осталась их звериная сущность.

– Не может такого быть, – возразил лопухий мужчина в очках, – в Библии сказано совсем другое: что людей сотворил бог.

– А какой из богов? – хитро прищурившись, спросил гид. – Ведь их было несколько.

– Как несколько! – опешил похожий на кролика мужчина.

– А вот так. Вспомните, как начинается ветхий завет?

– «В начале сотворил Бог небо и землю», – тотчас ответила похожая на обезьяну женщина в очках.

– Правильно. Но мало кто знает, что в оригинале под словом «Бог» значится слово «элохим», которое морфологически представляет собой множественное число. Чем руководствовались горе-переводчики, переводя это слово в единственном числе, непонятно, – пожал гид плечами. – На самом деле «бог» – это «элох». Именно от него произошло слово «аллах». Но поскольку слово это стоит во множественном числе, первую строчку Библии следует читать так: «Вначале сотворили *Боги* небо и землю».

– Быть такого не может! – возмутился мужчина с козлиной бородкой. – Бог един!

– Тогда что вы скажете о следующей строчке из Священного Писания: «И сказал Бог: сотворим человека по образу *Нашему*, подобию *Нашему*»? Ведь если он один, то почему говорит: «*Нашему*»?

Мужчина с бородкой не нашёлся, что ответить.

– Впрочем, говорить о себе во множественном числе впоследствии стало традицией. Например, последний русский царь любил говорить о себе: «*МЫ*, Божией милостью, Николай Второй». А всё началось с того, что слово «элохим» греки для простоты перевели как «о феос», то есть «бог» в единственном числе, что привело затем к неразберихе, исключив тем самым из монотеизма само понятие, что богов было много.

– А я читала, – сказала дама в очках, – что слово «офеос» означает также ещё и «змей».

– И в этом определённо что-то есть, – поднял кверху указательный палец гид. – Обратите внимание на ещё на одно слово, которое употребляется дальше в Бытии: «И сказали Боги: *сотворим* человека по образу *Нашему*, подобию *Нашему*». То есть первый человек был *сотворён* Богами. *Сотворён*. И *сотворён* он был на шестой день творения. И только потом появился

некий Господь Бог, который *создал* уже *иных* людей. И *создал* он их в седьмой день творения, когда Боги уже отдыхали. То есть *создал* их этот Господь Бог в субботу, когда делать по определению ничего нельзя.

– Кто же скрывается под именем «Господь»? – настороженно спросила женщина в очках.

– К сожалению, имя Создателя произносить нельзя, – ответил гид.

– Ну, почему же нельзя? – заметил похожий на кролика Сеню высокий мужчина в очках. – В оригинале стоит четырёхбуквенное слово ЙХВХ, которое произносится, как Яхве или Иегова.

– Значит, Адама и Еву создал не бог, а Господь Бог? – спросила девушка с массивной, выдвинутой вперёд нижней челюстью.

– Именно так, – заверил её гид. – И звучало его имя на божественном языке, действительно, Яхве Элохим. Хотя на самом деле его звали по-другому.

– То есть, получается, на земле одновременно возникли два вида людей? – риторически спросила крутобокая женщина с выдающимся бюстом и с выразительными коровьими глазами.

– Да, – кивнул гид. – Причём эти два вида существуют до сих пор: сотворённые Творцами из приматов и клонированные Создателем из своего ДНК.

– Кто же были эти боги Элохим? – спросил парень с тигриной татуировкой на руках и шее.

– Элохим можно подразделить на две категории: сыны Божьи светлые ангелы Михаэль, Габриэль и Рафаэль во главе с Яхве и их противники падшие ангелы, так называемые исполины или нефилимы – Вельзевул, Левиафан и Бафомет во главе с Люцифером.

Не забывайте, что «когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». Тем же самым занимались и нефилимы. Самый яркий пример этого – Сатана, который в образе змея обольстил Еву. Ведь первенец её Каин был вовсе не от Адама, а от змея, с которым она ему изменила. И именно от Каина пошло это змеиное племя.

– А от кого был Авель? – заинтересовался молодой человек с бульдожьим выражением лица.

– Тот был от Адама, – ответил гид, – но поскольку Каин его убил, род человеческий на Авеле прервался.

– То есть вы хотите сказать, что падшие ангелы были рептилоидами? – не поверила ему девушка с длинным, как у ящерицы язычком.

– Как и сами ангелы. Все пришельцы, сошедшие с небес, были звероподобны. Более того, аннунаки были двуполы изначально. Причём, их половая ориентация менялась в зависимости от фаз луны. Мужчинами они становились на растущей луне, женщинами – на убывающей. Однополые особи рождались у них только от земных женщин. Вот почему у иных наследственность передаётся по материнской линии.

– Ерунда всё это! – пренебрежительно отозвалась прыщавая девица с острой крысиной мордочкой, – как можно произойти от рептилий?

– Ну, если считается, что первые люди произошли от обезьян, то почему иные не могут произойти от змей и прочих гадов? – задал всем гид риторический вопрос.

– Ш-што-то не верится, – засомневалась толстая тётка с обрюзгшим лицом и заплывшими, как у свиньи, глазками.

– Тогда вспомните легенду о нашем киевском Змее Горыныче. Какую он дань требовал у горожан?

– Чтобы те каждый день поставляли ему новую девицу, – живо ответил ему малорослый мужик с жидкой козлиной бородкой.

– А зачем, спрашивается, ему каждый день нужна была новая девица? Вернее, девственница? А затем, что он пользовался правом первой ночи, чтобы передать своё змеиное семя

потомкам, и постепенно раствориться среди местного населения. И вот теперь, благодаря тем девицам, *иные* ничем и не отличаются от людей.

– А как узнать, кто стоит перед тобой? – поинтересовалась Лада. – Обычный человек или иной?

– Ну, – замялся гид, – определить это довольно сложно. Их звериная сущность проявляется только во время катаклизмов. Во время войн и всяких революций. В остальное время иные так хорошо маскируются, что их не различишь.

– А в Киеве их много?

– Ну, – на секунду задумался гид, – если бы иные светились, как светлячки, то ночью в Киеве было бы светло, как днём. А если бы они вышли на Крещатик, то запрудили бы его от края до края, включая все три огромных площади – Европейскую, Бессарабскую и Майдан.

– А эти... рептилоиды... они могут находиться здесь? – испуганно спросила Лада.

– Можете не сомневаться, – усмехнулся гид, – они как раз стоят сейчас у вас за спиной, только вы их не видите... Шучу. Единственные, кто их может увидеть без гаджетов – это ясно-видящие, колдуны, шаманы и ведьмы. Правда, для этого им приходится включать своё подсознание и напрягать внутреннее зрение.

14. Чистильщики Лысой горы

Как только экскурсанты вслед за гидом покинули загороженный шлагбаумом северный вход на Лысую гору и спустились к речке Лыбедь, сюда с трёх сторон стали подходить новые действующие лица.

Справа из проезда под виадуком вышла небольшая группа молодых людей. Одеты они были разношёрстно: кто в джинсах и свитерах, кто в камуфляжных штанах и куртках. Обуты они были также, кто во что горазд: кто в берцах, кто в кроссовках. Бросалось в глаза лишь то, что все они были стрижены налысо.

В группе было семь человек, и выправкой своей они напоминали военизированный отряд. Правда, вместо оружия парни несли на плечах лопаты, мётлы, двуручные пилы и грабли. Замыкал колонну велосипедист на горном байке в чёрно-красном облегающем трико с защитным шлемом на голове.

Слева по узкому тротуару вдоль Сапёрно-Слободской улицы двигалась ещё одна парочка бритоголовых подростков – Алексей Попович по прозвищу Злой и Никита Дубравин по прозвищу Добрыня – старшеклассники из ближайшей гимназии, расположенной на Багриновой горе.

Сверху по улице Киквидзе, которая пересекала Сапёрно-Слободскую улицу по мостовому переходу и упиралась внизу прямо в Лысую гору, мчалась оранжевая мусороборочная машина. Она первой подъехала к месту общего сбора, назначенного на тринадцать часов дня, и резко затормозила перед закрытым шлагбаумом.

Из кабины вылезли трое – два мусорщика в оранжевых комбинезонах и водитель в белой рубашке и в синем галифе. Все трое также были бритоголовыми, только у водителя с затылка картинно свисал по-козацки длинный чуб, заведённый за правое ухо.

Из-под строительного вагончика, расположенного неподалёку, выскочили три чёрных лохматых пса и с лаем бросились к ним.

– Цыть! – грозно прикрикнул на них водитель.

Собаки тут же заткнулись и виновато поплелись назад, обнаружив приближение с флангов дополнительных сил противника.

Мусорщики, вернее, чистильщики или санитары леса, как они сами себя называли, бросились поднимать шлагбаум, а водитель выступил навстречу подходившей колонне и подъезжавшему байкеру. Снисходительно окинув взглядом немногочисленный отряд, бригадир чистильщиков Святослав Кожемяка, поглаживая свои густые и широкие, как подкова, усы, обратился к спешившемуся велосипедисту:

– Привет, Илюша. Это все?

– Да.

– А где другие?

– Выбыли.

Подошедшая колонна выстроилась перед ними в ряд.

– Здравствуйте, хлопцы, – приветствовал их Кожемяка.

– Здравия желаем, бригадир, – бодро отрапортовал отряд.

– Помнится, совсем недавно вас было в два раза больше, – заметил Кожемяка.

– Я объехал всех, – стал оправдываться Илья, – но за это время лишь десять человек остались схе⁴, включая меня и Злого, – кивнул он на подошедшего к мусоровозу Алексея с товарищем. – Остальные не выдержали.

⁴ sXe (Straight edge) – приверженцы здорового образа жизни, активно выступающие против наркотиков, табака и алкоголя.

– Ясно, – потёр большим пальцем густые усы Святослав Кожемяка и кивком головы приветствовал Злого, – становитесь в строй.

– Трое забухали, – продолжал отчитываться Муромский, – двое закурили, ещё двое увлеклись дурью.

– Да, – недовольно протянул бригадир, – с такими темпами очень скоро в нашем отряде не останется ни одного здорового пацана. Ох, уж мне эти бесы! Никакого сладу с ними нет. Травят наш народ, как хотят. А твоя девушка как, Алёша? – вздохнув, обратился он к Злому. – Удалось вернуть её на путь истинный?

Злой тяжко вздохнул и, потупив глаза, покачал головой.

Стоявший с краю Добрыня разъяснил:

– У них любовный треугольник: он любит её, а она любит сигареты.

– А ты кто такой? Новенький? – обратил на него внимание Кожемяка.

– Это Никита Дубравин, – представил его Злой. – Из моей школы парень. Но все его Добрыней кличут.

– Добрыней? – удивился Кожемяка. – Это хорошо, что тебя так кличут. Готов, Добрыня, биться з трёхговым змеем-дурманом?

– Всегда готов, – добродушно кивнул Добрыня.

– Ну, ладно, – вздохнул Кожемяка, – я думаю, всем понятно, зачем мы сюда собрались?

– Всем, – нестройно ответил отряд.

– Какая перед вами на сегодня стоит задача? – остановил Кожемяка свой взор на Злом.

– Очистить Лысую гору от мусора! – чётко ответил он.

– А ещё? – спросил Кожемяка, переведя глаза на Муромского.

– Изгнать с Лысой всех тёмных, – бодро ответил Илья. – А также тех, кому претит здоровый образ жизни!

– Именно! – кивнул Кожемяка. – Чтобы на нашей горе было так же чисто, как у вас и у меня на голове, – потёр он ладонью свою бритую голову, – чтобы Лысая стала зоной, свободной от дурмана.

Кожемяка собрал пальцы в кулак и, приветственно подняв его вверх, закончил своё напутствие привычной речёвкой:

– Трезвости?

– Да! – хором отозвались бритоголовые.

– Дурману?

– Нет!

– Наркоте?

– Крест! – все парни вздёрнули вверх свои правые кулаки, на которых чернел крест, как знак отказа от дурмана.

– Бухлу?

– Крест!!

– Табаку?

– Крест!!!

– Жизни – жизнь!

– Смерти – смерть! – глухо отозвались парни и перекрестили перед собой сжатые в кулаки руки. Впрочем, со стороны их лысые головы выглядели, как черепа перед скрещёнными костями.

– Не дадим этой трёхглавой гадине одолеть нас! – продолжил напутствие Кожемяка. – Ещё недавно Лысая гора была единственным местом, где её не было. Но теперь змея дурмана добралась уже и сюда. Очистим гору от неё!

– Очистим! – дружно отозвались чистильщики.

– А затем спалим её в Майском костре.

15. Твари и затваренные

Поглядывая по сторонам, в надежде увидеть пропавшую дочку Навки, Майя и Жива спустились той же самой дорогой, по которой недавно поднимались, – по Ведьминому языку.

– Слушай, а кто такие эти *твари*? – с беспокойством спросила Майя. Слово это, употреблённое Навкой, никак не выходило у неё из головы.

– Ну, это такие... – призадумалась Жива, подбирая нужные слова, – э-э-э... чужие. Или аlienы. Иначе говоря, пришельцы. Попаданцы, короче. Так сказать, засланцы с планеты Нубиру. Те самые бесы Баала, про которых я тебе говорила. Эти твари и *затваривают* сейчас весь мир. Проблема в том, что люди их не видят.

– А Навка, значит, ясновидица?

– Ну да. Она видит бесов в одержимых людях. Только ей далеко до своей матери Веды, которая не только замечает этих тварей, но ещё и созерцает потусторонний, бестелесный мир. И это несмотря на то, что она – слепая.

– Как же она созерцает то, чего не видно? – с недоумением спросила Майя.

– Точно так же, как мы воспринимаем мир во сне. Ведь когда человек спит, его душа покидает тело, а душе не нужно зрение, слух и обоняние. Мы и так всё видим в сновидениях, хотя глаза у нас закрыты.

– Это точно, – подтвердила Майя, – и так же разговариваем во сне, не раскрывая рта.

– Веда говорит, – с жаром продолжила Жива, – что в начале было не слово, как это сказано в евангелии от Иоанна. А в начале был сон. И в конце будет сон. Из сна мы вышли, обретя для жизни на Земле физическое тело, и в сон вернёмся, когда оно умрёт. Вот почему Веде так легко общаться с душами мёртвых. Она их спрашивает, а те ей отвечают. Поэтому Веда и знает многое из того, чего не ведают другие. Она мне много чего порассказала об этих тварях.

– Как же они выглядят?

– Верхняя половина у них человечья, а вот нижняя... – Жива умолкла.

– Что? – нетерпеливо переспросила Майя.

– Нижняя, как у рептилий. Или бывает наоборот. Тело, как у человека, а на плечах – змеиная голова. С лысым черепом, без ушей и без волос. Или с перепончатыми крыльями за спиной, как у летучих мышей.

Майя посмотрела на кузину с недоумением. Той пришлось объяснять подробнее:

– Пришельцы ведь были рептилиями. Всякими там летающими ящерами и змеями. Твари вступали с земными женщинами в связь, и те поначалу рожали всяких уродов – наполовину людей, наполовину змей, короче говоря полудраконов. Постепенно эти мрази, лишаясь крыльев и змеиного хвоста, стали приобретать человеческий облик. И вскоре превратились в *затваренных*, которых почти невозможно отличить от истинных людей. Хотя они и выглядят сейчас, как люди, ничем от нас почти не отличаются, но на самом деле это – нелюди. При этом себя они считают сверхлюдьми.

– Я совсем уже запуталась с тобой, кто тут люди, а кто – нелюди.

– Внешне *затваренные* похожи на нас, только вот тут, – постучала она по лбу, – они иные. Они, как зомби, свято поклоняются тому, кто их создал. А поскольку один из создателей их был змееголовым, другой же был летучей мышью, то в знак завета с ними, и чтобы быть на них похожими, они специально поначалу сбрасывали себе волосы и подрезали уши.

– Какой ужас! – воскликнула Майя. – Зачем?

– Ну, это типа карго-культа такого... когда туземцы во всём копируют пришельцев.

– Да бред какой-то! Ну, ладно, волосы, но зачем уши подрезать?

– А чтобы придать им остроугольную форму, как у эльфов.

– Так вот как появились эти эльфы! – догадалась Майя.

– А ты как думала! – усмехнулась Жива. – Вот, а чтоб ничем не отличаться от людей, среди которых им приходилось жить, они на лысые головы надевали парики. Уши же они себе обрезали во младенчестве, чтобы этого никто не видел. Типа того, как сейчас семиты в знак завета со своим богом обрезают мальчишкам письки. Но в последнее время мода на остроугольные уши канула в лету. Лишь ярые фанатики оставляют их себе. Новое поколение предпочитает сейчас уже влитые ушки.

– Как это?

– Без мочек. Первым завёл это поветрие Ван Гог, когда опасной бритвой отрезал себе мочку, а затем запечатлел себя на автопортрете с перевязанным ухом. И вот теперь многие в угоду моде с помощью пластических хирургов делают себе тоже самое.

– С ума сойти! – ужаснулась Майя. – Ну, ладно уши, но зачем носить парики? Откуда они возьмут столько волос?

Жива улыбнулась.

– Ты, что, объявлений не видела?

– Каких?

– «Куплю волосы дорого».

– Видела. На каждом углу висят.

– А ты не задумывалась, кому нужны эти волосы и для чего? И почему парикмахеры называются парикмахерами.

– Хочешь сказать, что эти парики делают для себя иные? Не может быть, – раскрылись глаза у Майи.

– Может. Все они шахер-махеры, имитаторы и фейкоделы. Вся суть нелюдей, всего этого змеино-эльфиного племени сводится к обману. Они и дня не могут прожить без лжи. Они будто живут в каком-то Зазеркалье, выдавая чёрное за белое. Так, они уверяют всех, что побывали на луне, хотя эту луну они сняли в Голливуде. Заставили поверить весь мир, что башни-близнецы разрушили самолёты, а на самом деле они были взорваны изнутри. Нелюди любят всё переворачивать с ног на голову. Вот и держат нас за дураков, уверяя, что они единственные люди на Земле, а все остальные просто животные в виде человека. Даже теорию выдвинули, что мы произошли от обезьян.

Они почему-то уверены, что у нас нет души. Вернее, душа есть, но она не божественная, как у них, а – животная. Поэтому и не считают нас за людей и на полном серьёзе, воспринимают нас, как овец, будучи сами при этом волками в овечьих шкурах.

– А они что, бессмертные? Не умирают?

– Умирают так же, как и мы. Поскольку, кроме неземной, божественной души у них ещё есть и вторая – такая же, как и у нас – животная, земная. Поэтому и умирают, но благодаря неземной вновь и вновь возвращаются на землю, перевоплощаясь.

– А как понять, кто перед тобой? Человек или нелюдь, – с беспокойством спросила Майя. – Как их узнать?

– Ну, это довольно сложно, – вздохнула Жива. – Они так классно маскируются, что с первого взгляда не поймёшь. Правда, стоит раскрыть им рот, как они тут же обнаруживают себя. Дело в том, что твари в силу особенностей своего речевого аппарата не выговаривают многих звуков. Они или шипят, как змеи, или рычат, как драконы. Шепелявят, как дети, или картавят, как французы.

Затваренные, правда, большей частью уже лишены этих недостатков. Над эти хорошо работают логопеды у них в детских садах. «Кузнецы» так удачно подковывают «волкам» голос, что «козлята» уже не могут отличить его от голоса родной матери. Более того, затваренные говорят так складно, как по написанному, и даже лучше, чем те, среди которых они живут.

Так на русском они говорят лучше, чем русские, на украинском лучше, чем украинцы, а на английском лучше, чем англичане.

– И как ими это удаётся?

– Не знаю. Истинные лица свои они скрывают. А вот маски они меняют постоянно. У *затваренных* только оболочка человечья. Внутри же их звериная сущность. Видела, быть может, фильм такой... м-м-м... «Раба любви»?

– Нет, не видела.

– Ну, короче, там в конце главная героиня произносит фразу: «Господа, вы звери! Господа!». И это точнее всего характеризует их. У них отсутствует чувство сострадания и жалости к *божьим твореньям*. У них нет ни стыда, ни совести. Они переполнены ненавистью к людям. Им ничего не стоит убить человека или облить его бензином и поджечь.

– А внешне? Как отличить, в парике он или без?

– Очень просто. Дёрнуть за волосы и всё! Или посмотреть на уши. Кроме того, затваренных очень легко определить по атавизмам на теле, которые достались им от рептилий. У человека-дракона лицо обычно покрыто бородавками, у человека-хамелеона тело покрыто лиловыми пятнами псориаза, а у человека-ящера большие пальцы ног скрючены подагрой.

– Издеваешься, да?

Жива усмехнулась и продолжила перечислять:

– Человека-змею легко определить по глазам. У того реально глаза змеиные. Он гипнотизирует человека, как удав кролика.

Майя рассмеялась:

– Но ведь людей с такими признаками хоть пруд пруди. Они, что, все затваренные?

Жива загадочно усмехнулась.

– А что ты хотела? За шесть тысяч лет скрещиваний от первобытных людей почти никого не осталось. Почти все сейчас затваренные.

– Значит всякие там слайдеры и бэтмены – это не выдумка? – с улыбкой поинтересовалась Майя.

– Да, они существуют. Только в ином измерении.

– Смеёшься, да? – усмехнулась Майя, – я так люблю, когда ты что-то выдумываешь.

– Ничего я не выдумываю, – обиделась Жива и умолкла, заметив, что навстречу им по обочине гуськом поднималась в гору колонна бритоголовых парней. Молодые люди несли на плечах мётлы, лопаты, двуручные пилы и грабли.

Замыкал колонну велосипедист на горном байке в чёрно-красном облегающем трико с защитным шлемом на голове. Переведя цепь на самую короткую передачу, он с лёгкостью крутил педали, поднимаясь в гору без всяких усилий.

– Извините, – обратилась к нему Жива (байкер тут же приостановился и мило улыбнулся ей), – вы случайно внизу там, – показала она рукой, – девочку в белом платье не видели?

– Нет, – как бы с сожалением покачал он головой, – вы первые девочки, которые встретились нам по дороге.

Он встал на педали и продолжил движение, догоняя ушедшую вперёд колонну.

– Это *его* здесь нарисовали? – кивнула Майя на рисунок велосипедиста в чёрном плаще с красным подбоем на бетонной подпорной стене, мимо которой они проходили.

– Ага, – кивнула Жива.

– А если эти *твари* нам реально встретятся, – продолжила прерванный разговор Майя, – что нам тогда делать?

– Они ведьм не трогают. Во-первых, мы носим вот это, – Жива оттянула книзу вырез сорочки и показала ей прикрытое вышиванкой ведьмино ожерелье – семь очищенных зубков чеснока, нанизанных на суровую нитку попеременно с засушенными сиреневыми цветками

чертополоха, – эти черти запах чеснока на дух не переносят. Кроме того, мы единственные, кто знают, как с ними бороться.

– А как?

– Есть одно древнее заклинание, которое их останавливает.

Они спустились к бетонной подпорной стенке, и Жива обратила внимание, что каждая буква слова «пекло» в указателе была перечёркнута крест-накрест мелом, а рядом было написано новое слово – «чистилище».

– Вот это уже ближе к истине, – с удовлетворением отметила она.

Девушки огляделись по сторонам, надеясь увидеть того, кто бы мог это сделать. Внизу перед открытым шлагбаумом они заметили мусороборочную машину и лысого мужика в белой рубашке и в синем галифе. Чуть поодаль два его помощника в оранжевых комбинезонах наполняли мусором чёрный пластиковый мешок.

– О, старый знакомый, – обрадовалась Жива. – Может, он поможет нам найти Зою. Организует своих ребят. Зоя ведь где-то рядом. Она не могла далеко уйти. Главное, чтобы она... не забрела в Мертвецкую рощу.

– А что там в Мертвецкой роще? – настороженно взглянула на неё Майя.

– Как что? Там полно упырей. Лысая Гора ведь – это сплошное кладбище. Здесь повсюду лежат тысячи невинно убиенных и замученных людей. И чтобы отомстить живым, они постоянно выходят из своих могил. Упыри набрасываются, в основном, на детей, на спящих, пьяных и других беспомощных людей, которые не могут дать отпор. Не брезгают они и домашними животными, нападают на коз, кролей или курей. Сначала упыри спускают на них своих верных псов-вампиров – чупакабр. Те умертвляют жертву, а упыри затем уже выпивают всю кровь, до капельки.

– Ужас!

Спустившись по Ведьминому языку к подножию горы и пройдя под открытым шлагбаумом, девушки подошли к мусороборочной машине. Два чистильщика в оранжевых комбинезонах подтаскивали к ней чёрный пластиковый мешок, набитый мусором. В кабине сидел бритоголовый мужик в белой рубашке и в синем, ещё советских времён, галифе. С его затылка картинно свисал по-козацки длинный чуб, заведённый за правое ухо.

– Здравствуйте, Святослав! – поздоровалась с ним Жива.

– А-а, привет, Жива, – узнал её Кожемяка. – Уже собираетесь потихоньку? А где ваша главная ведьма, Навка?

– У неё дочка пропала, – без всяких предисловий огорошила его Жива.

– Как пропала? – расширились глаза Святослава.

– Вот так! Навка сказала нам, что на горе появились какие-то *твари*. Видимо, Зоя испугалась их и куда-то убежала.

– А, возможно, даже они её похитили, – добавила Майя.

– Вот, гады! – ожесточённо покачал головой Святослав.

– Навка пошла вверх, – продолжила Жива, – а нас послала поискать её внизу.

Кожемяка вздохнул и, задумавшись, потёр подушечками пальцев свои роскошные усы.

– Во что Зоя была одета? – спросил он.

– В белое платье.

Кожемяка решительно махнул своим напарникам рукой.

– Хлопцы, в машину! Планы поменялись.

Закинув наполненный пластиковый мешок в мусороприёмник, чистильщики залезли в кабину, машина взревела мотором и, миновав поднятый шлагбаум, свернула на серпантин.

– А нам теперь куда? – Майя посмотрела на двоюродную сестру испытывающим взглядом и повела пальчиком в разные стороны, – туда?... сюда?..

– Туда, – указала вправо пальчиком Жива. – Поищем Зою возле речки.

16. Веда

На западе к Лысой горе примыкали два жилых массива: непосредственно граничила с ней Лысуха, с многочисленными частными домиками, чуть поодаль от неё стояла Сапёрная слободка, застроенная большей частью многоэтажками. Отделял местных жителей от горы лишь неглубокий овраг, но для многих он являлся непреодолимой преградой: по дну урочища протекал ручей Маричанка, впадавший в заболоченный пруд.

Не каждый отваживался спуститься в этот яр, и уж тем более подняться на гору. Поскольку все знали – место это нехорошее и лучше держаться от него подальше. В основном, сюда забредали пришлые, которые даже не догадывались о том, куда они попали. Здешные и сами сюда не ходили, и детей своих не пускали.

Хотя ещё тридцать лет тому назад, как только с Лысой убрали военный гарнизон и снесли стоявший по периметру забор с колючей проволокой и сторожевыми вышками, а самой горе присвоили статус природного заповедника, именно тогда для жителей Слободки были сооружены две металлические лестницы: одна, небольшая, для спуска в овраг, а другая, сорокаметровая, для подъёма из яра на гору.

Обе лестницы находились за водонасосной станцией, загораживающей вход в урочище, между заболоченным прудом и расположенным рядом канализационным коллектором, той зловонной клоакой, по которой уносились на левый берег к Бортнической станции аэрации стоки со всего Киева.

Забраться на гору с запада можно было ещё в одном месте: на краю прилегающего к Сапёрной Слободке частного сектора Лысухи – там, где улица Столетова, спускаясь, упиралась прямо в гору.

Именно здесь на отшибе и стоял один ничем непримечательный дом, обитателей которого чаще видели на горе, чем в городе. Из окон этого кирпичного дома с мансардой и двускатной крышей, покрытой серым волнистым шифером, прекрасно была видна стоявшая напротив Лысая гора, а с самой Лысой были прекрасно видны окна этого дома.

Огорожен он был выцветшим зелёным дощатым забором, за которым буйным цветом цвели яблони и груши. Во дворе находилась беседка, увитая виноградом и собачья будка. Несмотря на это лай отсюда никогда не доносился, зато очень часто раздавался заунывный вой, не дававший по ночам спать соседям.

Дом этот пользовался недоброй славой.

Ближние соседи из возведённых недавно богатых особняков шушукались за высокими кирпичными стенами, что обитает там старая ведьма Веда, которая лишь притворяется, что она слепая, поскольку всё прекрасно видит, что собака, которую она водит на поводке, вовсе не собака, а настоящий волк, и что дочка её Навка такая же ведьма, как и она сама, впрочем, и внучка её Зоя тоже.

Дальние соседи-старожилы знали, что жила в том доме с дочерью и внучкой слепая женщина, похожая на монашку, ибо ходила постоянно в чёрном платье с белым воротником, и ходила всегда не сама, а с собакой-поводырём – сибирской лайкой чёрно-белого окраса.

На самом деле, Веда не была ни ведьмой, ни монашкой, а одной из тех, кого называют «ведающей». Она, действительно, была незрячей, хотя и ходила всюду с широко открытыми глазами. Все удивлялись синеве её глаз, и лишь неподвижные зрачки выдавали, что она слепая.

Зато Веда видела то, чего не видели другие. Сверхъестественные способности проявились у неё после того, как она ослепла в тридцать шесть лет. А собакой-поводырём у неё была не сибирская лайка и не волк, а голубоглазый пёс породы сибирский хаски, поэтому она и назвала его так – Хаски.

– Хаски! – позвала Веда своего любимца, выйдя из прихожей на крыльцо.

Из собачьей будки тотчас выскочил очень похожий на волка чёрно-белый пёс с ясными небесными глазами и, повизгивая от радости, стремглав бросился к своей голубоглазой хозяйке. Дочка словно специально подбирала матери собаку по цвету глаз.

Одета Веда была также под стать псу – в привычное чёрное платье с белым кружевным воротником. В левой руке она держала короткий кожаный поводок, в правой – осиновый посох со шлейкой, чтобы тот при ходьбе не спадал с руки.

В прошлый раз пёс едва не повалил её с разбега, бросившись ей на грудь передними лапами, поэтому она предусмотрительно присела и тут же была вылизана им с головы до пят.

Нашупав рукой ошейник, Веда пристегнула к нему поводок и, успокоив собаку, повела её к калитке. Отворив калитку, она приказала псу «Веди!», и теперь уже тот повёл её за собой. Из-под штaketин забора вылезла ещё одна любимица ведуньи – чёрно-белая сибирская кошка Зара, которая постоянно сопровождала их в походах по Лысой горе и на этот раз так же привычно пристроилась вслед за ними.

– На Лыску! – дала Веда направление собаке, и та послушно повела её на гору проторенным маршрутом: сначала по асфальтированной улице Столетова вдоль построенных недавно двухэтажных особняков с черепичными крышами, затем по каменистой дорожке, ведущей в яр.

Одной рукой Веда удерживала поводок, а другой постукивала перед собой осиновым посохом, чтобы ненароком не задеть по дороге какой-нибудь куст, корягу или дерево. Впрочем, с годами она уже так наловчилась проходить на горе между деревьями, что вполне могла бы обойтись и без собаки. Она с детства знала здесь каждый холмик и каждую впадинку, ей знакомо было здесь каждое деревце.

Правда, в последнее время она уже всё реже поднималась на гору. Если и выбиралась сюда, то лишь затем, чтобы пообщаться с душами умерших, с духами тысяч погибших здесь, казнённых или наложивших на себя руки людей, а также с самим стражем Лысой горы, часто дававшим ей ответы на многие вопросы, которые она задавала.

Спустившись в заросший высокой травой овраг, который в этом месте лишь начал углубляться, Веда двинулась вслед за собакой-поводырём по узкой неприметной тропинке, петлявшей между завалами строительного мусора. Подняв хвост трубой, Зара неспешно шествовала следом.

Здесь над ними ещё сияло солнце, но у самого подножия тень Лысой горы поглотила их. Ступив под сень горы, они словно попали в тёмный лес, настолько густыми оказались кроны деревьев, нависшие над ними.

Далее тропинка поднималась круто вверх по склону. Хаски пришлось напрячься. Он потянул за собой Веду с таким усилием, как будто за ним следовала не она, а целая нагруженная упряжка саней.

Чтобы не соскользнуть вниз, Веда упиралась на посох. Метров через двадцать возле поваленного на тропинку граба она сделала передышку. Мощные корни, вывернутые из земли, нависали над ней, как щупальца осьминога. Здесь Зара, любившая гулять сама по себе, оставила их. Мяukнув, чёрно-белая кошка юркнула в ложбинку, засыпанную прошлогодними листьями.

Чтобы определиться в пространстве и не споткнуться, Веда несколько раз предусмотрительно ударила посохом по вылезшим из земли корням граба. Натянув поводок, Хаски помог ей обогнуть дерево.

Довольно скоро неразрывная парочка поднялась на вершину горы. Вершина представляла собой огромное плато с широким, раскинувшимся в обе стороны лугом. Громко каркнув, пролетела высоко над ними ворона. С высоты вороньего полёта луг этот выглядел, как узкая полоса, зажатая между двумя зелёными грядами леса. Посередине полосы располагалась проторенная Прямая дорога.

– Стой! – приказала Веда собаке и натянула поводок.

Ей, прежде всего, необходимо было знать, куда идти дальше и где искать исчезнувшую внучку. Очень странно, что Навка не *видела*, куда пропала Зоя. Как это так, чтоб ясновидица не видела, куда исчезла собственная дочь! Навка сообщила ей по телефону, что они встретили *тварей*, а потом Зоя *как сквозь землю провалилась*.

В том, что *твари* появлялись здесь два раза в год, не было ничего необычного. Весной они уходили здесь под землю, а осенью выбирались на свет божий из-под земли. Удивительным было то, что они угрожали дочери и внучке, прогоняя их с горы.

Веда запрокинула голову вверх: она знала, кто может ей сейчас помочь.

– Кто из вас слышит меня, отзовитесь! – мысленно призвала она, и вся обратилась вслух.

Обычно души усопших тут же стремились войти с ней в контакт, но на этот раз тишина в эфире стояла необыкновенная. Её лишь подчёркивал далёкий гул, доносившийся от трассы. Припекало солнце. Время уже явно перевалило за полдень.

– Отзовитесь! – вновь повторила Веда, но души умерших почему-то не отзывались. Это было странно. Более, чем странно.

Как правило, они наперебой пытались заговорить с ней, зная, что она видит и слышит их и может передать живущим родственникам и знакомым то, что тем грозит какая-то опасность или, наоборот, ожидает радостное событие. Ведь она была для них единственной дверью между двумя мирами. Она была связной между миром живых и миром мёртвых. Но сейчас никого из них не было. Ни одной души. Куда же они подевались?

Ах, да, вспомнила Веда, ведь сегодня же радуница, языческий праздник поминовения умерших, навий день, когда души усопших возвращаются туда, где лежат их кости, – в надежде, что кто-то придёт их помянуть. Ну, что ж, если духи не идут ко мне, решила она, значит, нужно самой идти к ним в гости.

– К вышкам! – приказала Веда собаке-поводырю, и Хаски, уверенно повернув налево, потащил её по левой колее двухколейной, проторенной в траве, дороги.

17. Как бы вы сами здесь не пропали!

Заскучавшие на посту бойцы спецподразделения заметно оживились при виде подошедшей к опущенному шлагбауму молодой привлекательной женщины в красном сарафане и в белой сорочке.

– Извините, вы тут девочку в белом платье, случайно, не видели? – чуть не плача, обратилась она к ним.

– А в чём дело? – невозмутимо ответил старший сержант.

– Дочка у меня пропала, – всхлипнула она. – Всё обыскала тут, куда делась, ума не приложу.

– Да успокойтесь вы, мамаша, – поморщился младший сержант, – не нойте, и без вас голова тут болит.

– Она, как сквозь землю, провалилась!

– Приметы? – деловито спросил старший.

– Я же сказала: в белом платье... косичка до пояса, – принялась перечислять она.

– Нет, в таком виде мы никого не видели, – покачал головой младший. – Тут в основном все в чёрном ходят.

От нахлынувшей безысходности в глазах у Навки навернулись слёзы.

– Ребятки, милые, помогите, – вновь запричитала она, умоляя.

Старший сержант недоумённо дёрнул плечом.

– Чем же мы можем помочь? Мы здесь на посту.

– Кто же мне поможет тогда, если не милиция?

Выйдя из-за деревьев, по асфальтовой дороге мимо них неторопливо, слегка поцокивая копытцами, прошествовало стадо коз, шесть белых козочек. Чёрный козёл, помахивая бородой, почему-то остался торчать в кустах.

– Вот так всегда, – недовольно буркнул он, – чуть что, сразу милиция. Раньше надо было думать, мамаша, да следить за своей дочкой, а не брать её с собой сюда на Лысую.

– Сколько ей лет? – привычно осведомился младший сержант.

– Тринадцать. Зовут Зоя.

– Да она почти взрослая уже! – непонятно чему обрадовался он. – Может, гуляет сейчас где-то с парнями, а вы нам тут голову морочите.

– Или дома сидит уже давно, – добавил старший сержант.

– Говорю же вам, она исчезла! – лопнуло терпение у Навки.

Подлетевшая белая голубка вновь завертелась возле её ног.

– Кыш отсюда! – махнула на неё рукой Навка, и та обиженно отлетела в сторону.

– А если даже и исчезла? – предположил младший сержант. – По закону заявление о пропаже человека принимается лишь спустя трое суток после его исчезновения.

– Понятно, – всхлипнула Навка.

– И вообще, куда вы смотрели? – строго попенял ей напоследок старший. – Как будто не знаете, что здесь всё время люди пропадают.

– Смотрите, как бы вы сами здесь не пропали! – в сердцах бросила им Навка и поспешила прочь от них.

За шлагбаумом горная дорога, вьась серпантином, делала крутой поворот наверх, образуя тот самый второй Ведьмин язык, обращённый в противоположную сторону от первого. Не желая обходить опущенный шлагбаум, Навка решила срезать путь и двинулась напрямик через кусты.

– Куда это вы? – тут же остановил её окрик младшего сержанта.

– Дочку искать, – обернулась она. – Обойдусь как-нибудь и без вашей помощи.

– Ладно, – смиловился старший. – Мы дадим сейчас ориентировку «Беркуту». Они наверху там сейчас патрулируют. Но вы и сами везде тут пройдитесь, поспрашивайте. Может, кто и видел вашу девочку.

– Хорошо, – кивнула Навка и, оглядевшись вокруг, пристально посмотрела на бетонный забор секретного объекта. – Где же она, где же она? – тихо промолвила она себе под нос и продолжила пробираться между кустов.

Младший сержант почесал себе затылок:

– И какого, спрашивается, лешего она с дочкой сюда попёрлась? Да ещё так вырядилась? Тут не то, что маньяк, здесь любого мужика после бутылки водяры на подвиги потянет.

– Да, тут на горе у всех крышу сносит, – кивнул старший. – Вон в прошлом году, как раз после Вальпургиевой ночи... заявление поступило... молодая женщина 25 лет, с длинными волосами, правда, то была брюнетка, изнасиловала тут на Лысой двух мужиков.

– Ни черта себе. Как это?

– Я вот тоже не могу себе это представить, как? Но самое интересное – другое. Заявители, как выяснилось, сами в прошлом отсидели, как насильники. Так что особого расследования тогда и не производилось.

18. Пробуждение нежити

Внезапное ускорение, сдвиг, – и от милицейского поста мы перенесёмся на триста метров вниз по дороге, – к нашим любителям экстрима. Два молодых человека, похожих издали на сгорбленную цаплю и упитанного барана, по-прежнему стояли на обочине и жевали «жвачку».

– Чего-то этот кактус... не цепляет совсем, – пожаловался Димон-А приятелю.

– Не жди ничего... всё придёт само, – уверенно ответил ему О`Димон.

– А меня чего-то, – вздохнул Димон-А, – уже на измену потянуло.

– Да ладно... ты чего? – усиленно задвигал челюстями О`Димон, – тема уже на подходе... обещаю... скоро начнутся мультики.

– Ничего... на крайняк я с собой ещё кой-чего прихватил, – похвалился Димон-А, – чтоб не так стрёмно было.

– А что у тебя? – любопытствовал О`Димон.

– Круглые.

Димон-А достал из кармана джинсов белый аптечный цилиндрический футлярчик для таблеток.

– Амфетамины? – ухмыльнулся О`Димон, прочитав название на этикетке.

– Нет, это только футлярчик от них. Там – кое-что другое.

Димон-А высыпал на ладонь две разноцветные таблетки и спрятал футлярчик назад в карман.

– Экстази?

– Ага, – кивнул Димон-А и предложил приятелю, – будешь?

– Не, – замотал головой О`Димон, – я химию не употребляю.

– Да я с тебя башли за это брать не буду, – не убрал он руку.

– И тебе не советую, – неуверенно продолжил О`Димон.

Димон-А покачал перед ним открытую ладонь, намеренно провоцируя и искушая приятеля пафосными таблетками.

– Смотри, какие классные, – усмехнулся он, – второй раз предлагать не стану.

Одна таблетка была голубая, другая – розовая, на одной написано было «sky», на другой – «love». Глаза О`Димона помимо воли загорелись, но для вида он решил немного повыделываться.

– А к чему нам здесь экстази? – деланно возмутился он. – Ты что забыл походу, как оно действует? Нас же сразу потянет всем в любви признаваться.

– Ну, конечно, – стал подначивать приятеля Димон-А. – Тем более, что сегодня здесь ожидаются классные тёлки. Все ведьмы Киева сюда на тусу собираются. Прикинь, они ведь голяком вокруг костра танцевать будут.

– Да, ладно, – не поверил О`Димон.

– Или тебя ведьмаки волохатые больше привлекают? – поинтересовался приятель.

– Нет, только не это, – представив на секунточку, взвыл от ужаса О`Димон.

– А вдруг их голые торсы тебя возбудят? А вдруг это тебя дезориентирует?

– Не дай бог, – передёрнуло О`Димона, после чего он добавил со вздохом, – ладно, чёрт с ним, давай.

Он тут же потянулся к розовой таблетке на его ладони.

– Не люблю голубые, – пояснил он.

Но Димон-А тут же зажал обе таблетки в кулак.

– Э, нет. Чуть позднее. Всё сразу будет чересчур. Если мы сейчас вдогонку захаваем эту байду, назад уже точно, не вернёмся.

– Как скажешь, – неожиданно согласился с ним приятель.

– А бес его знает, – засомневался вдруг Димон-А и вновь раскрыл кулак, – может быть, лучше сейчас?

Два круглых кусочка счастья поочерёдно подмигнули ему голубым и розовым светом и составились в одно слово «sky love».

– Давай сейчас, – вновь согласился с ним приятель.

– Э... нет, – покачал головой Димон-А.

Борясь с искушением, он неожиданно засунул обе таблетки себе под чёрную, разрисованную белыми черепами бандану над ухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.